

ВЛАДИМІРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 июня

№ 11.

1866 года.

Цѣна въ редакціи 4 р.
— съ достав. и пер. 5 р.

Выходятъ два раза въ
мѣсяць, 1 и 15 числь.

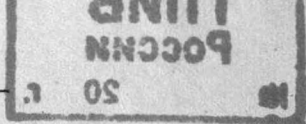
ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Письмо Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго
Феофана, Епископа Владимірскаго и Суздальскаго къ
Его Сіятельству, Господину Оберъ-Прокурору Св. Су-
нода съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ Его
Преосвященства и всего епархіальнаго духовенства Госу-
дарю Императору по случаю избавленія драгоцѣнной
жизни Его Величества отъ злодѣйскаго покушенія
4-го Апрѣля.

Ваше Сіятельство,

Милостивый Государь!

По первому извѣстію о покушеніи на священную осо-
бу ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, духовенствомъ ввѣренной
мнѣ Владимірской паствы торжественно вознесены были
благодарственныя молебствія къ Господу Богу, дивнымъ
Провидѣніемъ Котораго спасена драгоцѣнная жизнь возлюб-

леннаго **МОНАРХА**, защитника и благодѣтеля Церкви Православной и ея служителей. Съ благоговѣніемъ приѣмля знаменіе неизреченной милости Божіей, явленное 4-го сего апрѣля въ чудномъ избавленіи **ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА** отъ руки дерзкаго злодѣя, духовенство Владимірской Епархіи просило меня повергнуть къ стопамъ **ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА** чувства безпредѣльной радости о Его спасеніи, и искреннѣйшее увѣреніе, что оно всегда возноситъ и непрестанно будетъ возносить смиренныя и теплыя молитвы о здравіи и спасеніи возлюбленнѣйшаго своего **МОНАРХА**, и вмѣстѣ съ симъ ходатайствуетъ, чтобы, въ молитвенно-благодарственное воспоминаніе о чудесномъ спасеніи священной и драгоцѣнной жизни Царя—Благодѣтеля, было разрѣшено ему учредить во Владимірскомъ Училищѣ для двѣицъ духовнаго званія стипендію для воспитанія одной сироты изъ священнослужительскихъ дѣтей Владимірской Епархіи, для чего и открыть по епархіальному духовенству подписку, и самую стипендію наименовать стипендією 4-го апрѣля, а вмѣстѣ съ тѣмъ, — тамъ, гдѣ почивали мощи Св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, небеснаго покровителя Благочестивѣйшаго **ГОСУДАРЯ**, — въ бывшемъ Рождество-Богородицкомъ монастырѣ, что нынѣ Архіерейскій Домъ, — совершать акаѳистъ Св. Благовѣрному Князю Александру Невскому, въ день и часъ, когда избавлена отъ опасности драгоцѣнная жизнь Благочестивѣйшаго **ГОСУДАРЯ** нашего, именно въ каждый понедѣльникъ въ 4 часа.

Соединяя мои молитвы и чувства безпредѣльной радости о чудномъ спасеніи драгоцѣнной жизни Помазанника Божія съ чувствами и пріискренними желаніями всего духовенства Богомъ ввѣренной мнѣ паствы, я покорнѣйше прошу Васъ, Милостивый Государь, принять на себя трудъ, — общія наши чувства и желанія повергнуть къ стопамъ **ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА**, нашего Всемилостивѣйшаго и Возлюбленнаго **ГОСУДАРЯ**.

На сіе письмо отъ Господина Оберъ-Прокурора Его Преосвященствомъ получень слѣдующій отвѣтъ:

Я имѣлъ счастье доводить до свѣдѣнія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА о вѣрноподданическихъ чувствахъ Вашего Преосвященства и духовенства ввѣренной Вамъ епархіи, выраженныхъ по случаю избавленія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ угрожавшей опасности и о желаніи духовенства учредить въ память сего событія стипендію при училищѣ дѣвицъ духовнаго званія для воспитанія одной сироты изъ священнослужительскихъ дѣтей.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО Высочайше повелѣтъ соизволилъ благодарить за сіе.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

Къ исполненію.

По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали а) по предложенію Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора полученную Его Сіятельствомъ изъ Тифлиса отъ Протоіерея Наумова телеграмму о совершеніи 30 минувшаго Апрѣля Святаго Крещенія Его Императорскаго Высочества Высоконоворожденнаго Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА и б) справку, что ВЫСОЧАЙШЕ утвержденная, по случаю рожденія Его Императорскаго Высочества, новая форма возношеній на эктеніяхъ ВЫСОЧАЙШИХЪ Именъ Августѣйшей Фамиліи разслана по всему духовному вѣдомству, для должнаго исполненія въ свое время, при указахъ Святѣйшаго Синода отъ 11 того же Апрѣля. — Приказали: О совершившемся Святомъ Крещеніи Высоконоворожденнаго Великаго Князя АЛЕКСАНДРА МИХАИЛОВИЧА, увѣдомивъ указами Московскую и Грузино-Имеретинскую Святѣйшаго

Синода Конторы, Синодальных Членовъ и Преосвященныхъ Епархіальныхъ Архіереевъ, а также Ставропигіальныя Лавры и Монастыри, предписать, чтобы, по полученіи сихъ указовъ и предварительномъ сношеніи съ Гражданскимъ Начальствомъ, отправлено было во всѣхъ градскихъ церквахъ — въ первый слѣдующій, а въ сельскихъ — въ первый же воскресный или праздничный день, благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлодневнымъ звономъ, и чтобы какъ на такомъ молебствіи, такъ и на всѣхъ прочихъ Богослуженіяхъ, въ приличныхъ мѣстахъ, Имя Его Императорскаго Высочества возносимо было по упомянутой ВЫСОЧАЙШЕ утвержденной новой формѣ; Правительствующему же Сенату сообщить о семъ вѣдѣніемъ. Мая 2 дня 1866 года.

1866 года Мая 14 дня, во Владимірской Духовной Консistoriи заключено: для объявленія духовенству Владимірской Епархіи къ должному исполненію указа Св. Синода пропечатать въ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ, для чего копию сего указа передать въ Редакцію Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Къ исполненію.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 15 сего Апрѣля, за № 2099, коимъ изъясняетъ, что согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, онъ, Г. Оберъ-Прокуроръ, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ объ учрежденіи повсемѣстнаго крестнаго хода и молебствія, ежегодно 4-го Апрѣля, въ воспоминаніе избавленія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ угрожавшей опасности, — и что на сіе въ 14-й день сего Апрѣля воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. По справкѣ оказалось: Святѣйшій Синодъ, желая

навсегда сохранить молитвенное воспоминаніе о днѣ великой Божіей милости, явленной къ Церкви и Державѣ Россійской спасеніемъ драгоцѣнной жизни Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА отъ преступнаго покушенія злодѣя,—опредѣленіемъ 11-го сего Апрѣля положилъ: учредить ежегодно въ 4 день Апрѣля повсемѣстное совершеніе крестнаго хода, въ губернскихъ городахъ изъ кафедральныхъ соборовъ, а въ уѣздныхъ—изъ соборныхъ или главныхъ церквей, на городскія площади, для принесенія благодарственнаго Господу Богу молебствія, съ колѣнопреклоненіемъ и цѣлденевнымъ звономъ, за сохраненіе драгоцѣнныхъ дней Августѣйшаго Монарха, съ тѣмъ, чтобы: 1) по селеніямъ таковое молебствіе отправляемо было въ самыхъ церквяхъ; и 2) въ случаѣ, если 4-й день Апрѣля встрѣтится на Страстной седмицѣ или въ день Св. Пасхи, — таковыя молебствіе и крестный ходъ совершаемы были въ понедѣльникъ Свѣтлыя Седмицы; на каковыя предположенія и предоставилъ Г. Синодальному Оберъ-Прокурору испросить Высочайшее соизволеніе. Приказали: О вышеизложенномъ Высочайше утвержденномъ опредѣленіи Святѣйшаго Синода, къ должному исполненію, дать знать по духовному вѣдомству печатными указами и, чрезъ посредство Г. Синодальнаго Оберъ-Прокурора, сообщить Министру Внутреннихъ Дѣлъ, для соотвѣтствующихъ по вѣдомству Гражданскому распоряженій; а для припечатанія о семъ Высочайше утвержденномъ опредѣленіи Синода въ Сенатскихъ Вѣдомостяхъ, сообщить Правительствующему Сенату вѣднѣемъ, Апрѣля 20 дня 1866 года.

Къ свѣдѣнію.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора отъ 7-го

сего Апрѣля за № 1901—о томъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 6-й день сего Апрѣля, утвердивъ опредѣленіе Святѣйшаго Синода о дозволеніи Княгинѣ Васильчиковой учредить близъ Кіева Свято-Троицкій мужескій общежительный монастырь съ благотворительными заведеніями, вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше соизволилъ повелѣть: при учрежденіи на будущее время монастырей предлагать учредителямъ соединять, подобно настоящему случаю, съ удобствами уединенной монашеской жизни, цѣль благотворительную, или воспитательную, совмѣстнымъ учрежденіемъ при вновь образуемомъ монастырѣ соответствующихъ одной изъ вышеозначенныхъ цѣлей заведеній. Приказали: О воспослѣдовавшемъ Высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе Свято-Троицкаго мужескаго монастыря близъ г. Кіева и о Монаршей волѣ, чтобы на будущее время, при учрежденіи новыхъ монастырей, предлагаемо было учредителямъ устроить при нихъ благотворительныя или воспитательныя заведенія, объявить по духовному вѣдомству печатными указами. Апрѣля 25 дня 1866 года.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Къ немедленному исполненію.

Велѣдствіе указа Святѣйшаго Синода отъ 20 Мая сего 1866 года за № 1261, Владимірское Епархіальное Начальство симъ приглашаетъ: не пожелаетъ ли кто изъ священниковъ или кандидатовъ священства поступить на службу въ Оренбургскую Епархію. Благодѣшныя особо имѣютъ отъ себя

въ возможной скорости объявить объ этомъ, въ ихъ вѣдомствахъ, всѣмъ лицамъ имѣющимъ право на поступленіе къ означеннымъ должностямъ и отъ желающихъ отобрать письменныя заявленія, и безъ промедленія оныя представить въ Консисторію. 27 Мая 1866 года.

Къ исполненію.

Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода отъ 21 Марта сего 1866 года за № 537-мъ, вслѣдствіе Высочайшаго разрѣшенія, предписано Епархіальному Преосвященному привести въ исполненіе опредѣленіе Святѣйшаго Синода ^{26 Января}/_{10 Февраля} касательно обращенія свѣчнаго дохода по кладбищенскимъ церквамъ на потребности Духовно-учебныхъ заведеній съ тѣмъ, чтобы взносъ свѣчнаго дохода отъ кладбищенскихъ церквей начать былъ съ текущаго года, а отчеты о собираемыхъ по епархіи деньгахъ сего рода были доставляемы по принадлежности, на основаніи общихъ правилъ объ отчетности по свѣчному сбору. Почему Консисторія во исполненіе резолюціи Его Преосвященства предписала чрезъ Протоіереевъ и Благочинныхъ причтамъ и старостамъ кладбищенскихъ церквей, чтобы они свѣчную прибыль представляли на будущее время не въ духовное Попечительство, какъ это было прежде, а въ Консисторіи въ свое время, на основаніи общихъ правилъ объ отчетности по свѣчному сбору къ 1-му Января каждаго года, и чтобы отчетность и самый взносъ прибыльной отъ продажи свѣчь суммы начаты были съ начала текущаго года; независимо же отъ сего Консисторія объявляетъ чрезъ припечатаніе въ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ причтамъ и старостамъ церковнымъ кладбищенскихъ церквей, дабы они, если гдѣ не

имѣется въ таковыхъ церквахъ особыхъ приходорасходныхъ книгъ, то о снабженіи оными обратились бы въ Консисторію. Мая 7 дня 1866 года.

ИЗВѢСТІЯ.

СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ УДОСТОЕНЫ:

а., Возведенія въ санъ Игумена —

Строитель Гороховскаго Николаевскаго Монастыря, Геромонахъ *Даніилъ*.

б., возведенія въ санъ протоіеря:

Священники города Владиміра, церквей—Знаменской Алексѣй *Левицкій* и Борисоглѣбской—*Михаилъ Виноградовъ*.

в., награжденія палицами:

Протоіерей: Суздальской Вхоіоіерусалимской церкви—*Георгій Протопоповъ* и Шуйской Васильевской, что при Киселевской больницѣ, церкви—*Андрей Архангельскій*.

г., благословенія Святѣйшаго Сгнода:

Переславской градской Богословской церкви священникъ *Петръ Каллистовъ*.

Владимірскаго уѣзда, села Лыкова священникъ и Благочинный *Григорій Лебедевъ*.

Переславскаго уѣзда, села Нагорья священникъ и Благочинный *Василій Дроздовъ*.

Меленковскаго уѣзда, села Домнина священникъ *Іоаннь Казанскій*.

Шуйскаго уѣзда, села Дунилова, Благовѣщенской церкви, священникъ *Іоаннь Минервинъ*.

Того же уѣзда, погоста Ильинскаго священникъ Николай *Соловьевъ*.

Суздальскаго уѣзда, села Сельца священникъ Николай *Цвѣтаевъ*.

Меленковскаго уѣзда, села Веркуць священникъ Василій *Санчурскій*.

Вязниковскаго уѣзда, села Преображенскаго священникъ Іоаннъ *Воиновъ*.

Юрьевскаго уѣзда, села Березниковъ священникъ Іоаннъ *Троицкій*.

Солбинской Николаевской пустыни строитель, Иеромонахъ *Даніилъ*.

Муромскаго Богородицкаго Собора священникъ Александръ *Орфановъ*.

Гороховскаго уѣзда, села Разстригина священникъ Константинъ *Капацинскій*.

Владимірской градской Мурноносицкой церкви священникъ Андрей *Златовратскій*.

Все милостивѣйше, въ 3 день февраля сего 1866 года, сопричислены къ ордену Св. Анны 3 ст.

БЛАГОЧИННЫЕ:

Протоіерей

Города Гороховца, Благовѣщенскаго собора Іоаннъ *Борисоглѣбскій*.

Священники:

Заштатнаго города Киржача, Благовѣщенской церкви Василій *Лебедевъ*, владимірскаго уѣзда, погоста Старинскаго Іоаннъ *Елизаровскій*, муромскаго уѣзда, села Варежа Ксенофонтъ *Нарбековъ*, александровскаго уѣзда, села Новинокъ Іоаннъ *Сахаровъ*, суздальскаго уѣзда, села Меньчакова Іоаннъ *Херасковъ*.

Всемилоостивѣйше, въ 26 день марта, удостоены награжденія:

а.) НАПЕРСНЫМИ КРЕСТАМИ, ОТЪ СВЯТѢЙШАГО СУНОДА ВЫДАВАЕМЫМИ—

Николо-шартомскаго монастыря Игуменъ *Иларіонъ*; юрьевского введенскаго монастыря Игуменія *Пулхерія*; города Покрова, Покровской церкви священникъ *Іоаннь Цвѣтковъ*; города Владиміра, Спасопреображенской церкви священникъ *Николай Виноградовъ*.

б.) КАМИЛАВКАМИ—

Священники:

Города Владиміра, Каѳедральнаго Успенскаго Собора *Іоаннь Благодѣловъ*, того же города, Князь—Владимірской церкви *Іоаннь Предтеченскій*, города Суздаля, Источниковской церкви *Василій Державинъ*, города Переславля, Златоустовской церкви *Василій Соловьевъ*, переславскаго уѣзда села Копнина *Алексѣй Бѣлоярковъ*, города Меленковъ, Покровскаго собора *Василій Поповъ*, меленковскаго уѣзда, села Верхозерья *Петръ Смирновъ*, муромскаго уѣзда, села Новошина *Евѣимій Варваринскій*, ковровскаго уѣзда, села Хотимля *Іоаннь Успенскій*.

в.) СКУФЬЯМИ

Священники:

Владимірскаго уѣзда, села Порѣцкаго *Алексѣй Порѣцкій*; того же уѣзда, села Оетинына *Михаилъ Алявдинъ*; того же уѣзда, села Ратмирова *Александръ Каллистовъ*; города Суздаля; Предтеченской церкви *Леонидъ Ѳедоровскій*;

того же города Николаевской церкви Иоаннъ *Скабовскій*; того же города, Знаменской церкви Петръ *Сперанскій*; суздальскаго уѣзда, села Якимова Леонтій *Любимовъ*; того же уѣзда, села Ратницкаго Александръ *Бобровъ*; муромскаго уѣзда, села Новоселки Гаврилъ *Валединскій*; города Судогды, Екатерининскаго собора Александръ *Бвляевъ*; судогодскаго уѣзда, села Замаричья Алексѣй *Судогодскій*; того же уѣзда, погоста Ильинскаго, что на Кестошѣ, Платонъ *Свавицкій*; того же уѣзда, погоста Спаса Бесѣдъ Фотій *Трелинъ*; меленковскаго уѣзда, Дощато-желѣзницкаго завода Алексѣй *Загорскій*; того же уѣзда, Гусевской Хрустальной фабрики Иоаннъ *Преображенскій*; судогодскаго уѣзда, села Ерлекса Николай *Ястребовъ*; гороховскаго уѣзда, села Свята Григорій *Добродѣевъ*; ковровскаго уѣзда, села Яковлева Иоаннъ *Сакулинскій*; того же уѣзда, села Большихъ Всегодищъ Василій *Казанскій*; вязниковскаго уѣзда, села Южи Андрей *Миртовъ*; того же уѣзда, села Краснаго Николай *Кедровскій*; того же уѣзда, погоста Преображенскаго Павелъ *Виноградовъ*; шуйскаго уѣзда, села Васильевскаго Григорій *Вишняковъ*; того же уѣзда, села Богородскаго Чечкиныхъ Константинъ *Успенскій*; юрьевскаго уѣзда, села Стряпкова Александръ *Успенскій*; того же уѣзда, села Голенищева Иоаннъ *Благовѣщенскій*; города Переславля, Усекновенской церкви Иоаннъ *Виноградовъ*; александровскаго уѣзда, Махринской подмонастырской слободы Василій *Постѣловъ*; того же уѣзда, села Бакшева Иоаннъ *Назарѣвскій*; того же уѣзда, села Парфенова Іаковъ *Покровскій*; владимѣрскаго уѣзда, села Ундола Евѣимій *Нарциссовъ*; вязниковскаго уѣзда, погоста Успенскаго Григорій *Скворцовъ*; города Вязниковъ, Казанскаго собора Флегонтъ *Лавровъ*; шуйскаго уѣзда, села Иванова Крестовоздвиженской церкви Иоаннъ *Орловъ*; переславскаго уѣзда, села Выполчовой слободки Ѳедоръ *Постѣловъ*; ковровскаго уѣзда села Ряполова Андрей *Никольскій*; города Покрова, Пок-

ровской церкви Александръ *Виноградовъ*; меленковского уѣзда, села Веркуць Василій *Санчурскій*.

Юрьевского Архангельскаго монастыря казначей Геромонахъ *Димитрій* награжденъ набедренникомъ 11 мая.

Священнику погоста Успенскаго Григорію *Скворцову*, за присоединеніе къ православію крестьянки Вассы *Степановой*, 30 апрѣля объявлена благодарность Епархіальнаго Начальства.

Преподано благословеніе Святѣйшаго Синода: 1) Настоятелю Введенской Остовской пустыни Игумену *Герасиму* за пожертвованія въ пользу монастыря, и 2, церковному старостѣ ковровскаго уѣзда села Лежнева 1-й гильдіи купцу потомственному почетному гражданину Аѳанасію *Кокушкину*, за построеніе въ означенномъ селѣ каменнаго корпуса, таковыхъ же воротъ въ церковной оградѣ и часовни, съ выдачею Кокушкину установленной для сего грамоты, 11-го апрѣля 1866 года.

Муромскому купеческому 1-й гильдіи сыну почетному гражданину Ивану *Смолянинову* за сдѣланныя имъ пожертвованія въ пользу Муромскаго Благовѣщенскаго монастыря всего на сумму 1650 руб., преподано благословеніе Святѣйшаго Синода съ выдачею ему установленной на сей предметъ грамоты. 14 марта 1866 года.

Переславскаго уѣзда, села Усолья священнику Георгію Громову дозволено открыть въ своемъ домѣ безмездное училище 10 мая.

Александровскаго уѣзда села Козлова священнику Николаю *Уварову* дозволено открыть въ своемъ домѣ безмездное училище 12 мая.

Боголюбова монастыря Геромонахъ *Амвросій* 24 минувшаго апрѣля умеръ.

Вдовая капитанша Надежда Федорова Савинова при прошеніи представила 500 руб. согласно завѣщанію мужа ея, умершаго капитана Константина Макарова Савинова, для внесенія въ какое либо кредитное установленіе, на вѣчное время—съ тѣмъ, чтобы проценты съ оныхъ ежегодно получалъ причтъ Судогодскаго уѣзда, села Святець. Каковыя деньги и отосланы въ Государственный Банкъ съ требованіемъ 5% билета на имя причта села Святець. Апрѣля 30 дня 1866 года.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

О КНИГѢ: БЕСѢДЫ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА

къ прихожанамъ.

Вышла **пятымъ** изданіемъ книга: **Бесѣды сельскаго священника къ прихожанамъ**. Называя это изданіе **пятымъ**, редакция должна оговориться предъ читателями касательно отношенія его къ прежнимъ изданіямъ. Первые три изданія этой книги, явившіяся въ 50-ыхъ годахъ были почти тожественны по составу, который былъ не обширенъ, такъ что послѣднее изъ этихъ изданій обнимало двадцать съ небольшимъ бесѣдъ. Принявъ на себя съ прошедшаго 1865 г. новое изданіе этой книги, редакция нашла необходимымъ дать гораздо болѣе широкое развитіе основной мысли изданія, и еще ближе приспособить его къ современнымъ потребностямъ приходскихъ, особенно сельскихъ, пастырей проповѣдниковъ и прихожанъ ихъ. Плодомъ этаго было значительное увеличеніе самаго состава изданія; такъ что въ четвертомъ, вышедшемъ въ началѣ прошлаго года, *новыя* бесѣды обнимали болѣе половины всего изданія, а въ теперешнемъ **пятомъ** изданіи онѣ составляютъ *болше двухъ третей* изданія. Редакция питаетъ твердую увѣренность, что такое увеличеніе состава изданія соразмѣрено съ развитіемъ и обогащеніемъ внутренняго содержанія и характера его. Она надѣется, что изданныя *бесѣды*, и по своимъ предметамъ и по характеру развитія и приложенія ихъ, представляютъ такіе

готовые, общепригодные и руководительные опыты церковной проповѣди, какіе ожидаются современнымъ призваніемъ приходскаго, особенно сельскаго пастыря проповѣдника и современными духовными потребностями народа. Для редакціи не остались безъ значенія сочувственные отзывы и ожиданія, заявленные по поводу четвертаго изданія *Бесѣдъ*, нѣкоторыми органами свѣтской печати. Но все обязательное значеніе имѣли для нея одобрительные отзывы и совѣты нѣкоторыхъ архипастырей нашихъ, а также заявленія приходскихъ священниковъ проповѣдниковъ. Отъ послѣднихъ редакція имѣетъ положительныя увѣренія, что *Бесѣды* читались ими народу въ церкви при опытномъ удостовѣреніи въ полной понятности ихъ и живомъ интересѣ для народа. Такія заявленія, еще болѣе утвердили редакцію въ мысли, вопреки замѣчаніямъ нѣкоторыхъ (1), не только удержать основной характеръ изданія, но и развить его какъ можно плодovitѣе и шире, въ какомъ направленіи она надѣется вести свое изданіе и впредь. Представляемъ оглавленіе бесѣдъ **пятого** изданія:

1. Бесѣда вступительная въ кругъ катихизическихъ поученій.
2. Бесѣда о познаніи Бога изъ природы.
3. Бесѣда о законѣ Божіемъ вообще, и о законѣ въ нашей совѣсти.
4. Бесѣда о заповѣдяхъ Божіихъ.
5. Бесѣда о первой заповѣди Божіей.
6. Бесѣда о второй заповѣди Божіей.
7. Бесѣда о поклоненіи Пресвятой Троицѣ.
8. Бесѣда на Рождество Христово.
9. Бесѣда первая о Св. Духѣ—на молитву: Царю небесный.
10. Бесѣда вторая о Св. Духѣ—на ту же молитву.
11. Бесѣда объ Ангелахъ Хранителяхъ.
12. Бесѣда о воскресеніи мертвыхъ.
13. Бесѣда первая о земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.
14. Бесѣда вторая о земной жизни Господа нашего Іисуса Христа.
15. Бесѣда первая о святыхъ праотцахъ и пророкахъ ветхаго завета.
16. Бесѣда вторая о св. праотцахъ и пророкахъ вет. завета.
17. Бесѣда третья о св. праотцахъ и пророкахъ вет. завета.
18. Бесѣда четвертая о св. праотцахъ и пророкахъ вет. завета.

(1) *Примѣч.* изъ этого рода замѣчаній серьезнѣе другихъ казалось намъ замѣчаніе о длиннотѣ нѣкоторыхъ бесѣдъ. На это сдѣлаемъ только слѣд. простой отвѣтъ: все болѣе длинныя бесѣды нашего изданія построены такъ раздѣльно и отчетливо, что легко могутъ быть произносимы по частямъ.

19. *Бесѣда пятая о св. праотцахъ и пророкахъ вет. завета.*
20. *Бесѣда шестая о св. праотцахъ и пророкахъ вет. завета.*
21. *Бесѣда первая о св. апостолахъ.*
22. *Бесѣда вторая о св. апостолахъ.*
23. *Бесѣда о святыхъ исповѣдникахъ и мученикахъ.*
24. *Бесѣда первая о святителяхъ и отцахъ церкви.*
25. *Бесѣда вторая о святителяхъ и отцахъ церкви.*
26. *Бесѣда о св. подвижникахъ.*
27. *Бесѣда о женахъ.*
28. *Бесѣда первая о врахъ не христіанскихъ: язычество.*
29. *Бесѣда вторая о врахъ не христіанскихъ: новоіудейство.*
30. *Бесѣда третья о врахъ не христіанскихъ: магометанство.*
31. *Бесѣда первая о христіанскихъ, неправославныхъ исповѣданіяхъ.*
32. *Бесѣда вторая о христіанскихъ, неправославныхъ испов.*
33. *Бесѣда третья о христіанскихъ, неправославныхъ испов.*
34. *Бесѣда первая о русскомъ расколѣ старообрядства.*
35. *Бесѣда вторая о русскомъ расколѣ старообрядства.*
36. *Бесѣда первая о семейной жизни.*
37. *Бесѣда вторая о семейной жизни.*
38. *Бесѣда третья о семейной жизни.*
39. *Бесѣда четвертая о семейной жизни.*
40. *Бесѣда первая объ общественномъ служеніи народа.*
41. *Бесѣда вторая объ общественномъ служеніи народа.*
42. *Бесѣда о томъ, что каждый христіанинъ долженъ заботиться о благосостояніи не своемъ только, а и ближняго.*
43. *Бесѣда первая объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви.*
44. *Бесѣда вторая объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви.*
45. *Бесѣда третья объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церкви.*
46. *Бесѣда о почитаніи духовнаго сана.*
47. *Бесѣда о грамотности.*
48. *Бесѣда первая въ наставленіе рабочимъ и слугамъ.*
49. *Бесѣда вторая въ наставленіе рабочимъ и слугамъ.*
50. *Бесѣда третья въ наставленіе рабочимъ и слугамъ.*
51. *Бесѣда первая о трудѣ и трудолюбіи.*
52. *Бесѣда вторая о трудѣ и трудолюбіи.*
53. *Бесѣда о мысленномъ присутствіи въ храмѣ Божіемъ среди полевыхъ работъ.*
54. *Бесѣда о томъ какъ, находясь въ полѣ за работою, молиться по христіански, по церковному.*
55. *Бесѣда о томъ, какъ во славу Божію работать и трудиться.*
56. *Бесѣда при вступленіи въ петровъ постъ и въ напутствіе поселянамъ къ полевымъ работамъ.*
57. *Бесѣда по случаю начатія жатвы.*
58. *Бесѣда о десятой заповѣди Божіей.*

59. Бесѣда первая о совѣтахъ для жизни человѣческой премудраго Иисуса, сына Сирахова.
60. Бесѣда вторая о совѣтахъ для жизни человѣческой премудраго Иисуса, сына Сирахова.
61. *Бесѣда первая о народныхъ суевѣріяхъ.*
62. *Бесѣда вторая о народныхъ суевѣріяхъ.*
63. Бесѣда о севернословной брани.
64. Бесѣда о пьянствѣ.
65. *Бесѣда о распутствѣ.*
66. Бесѣда о кроткомъ обхожденіи съ животными

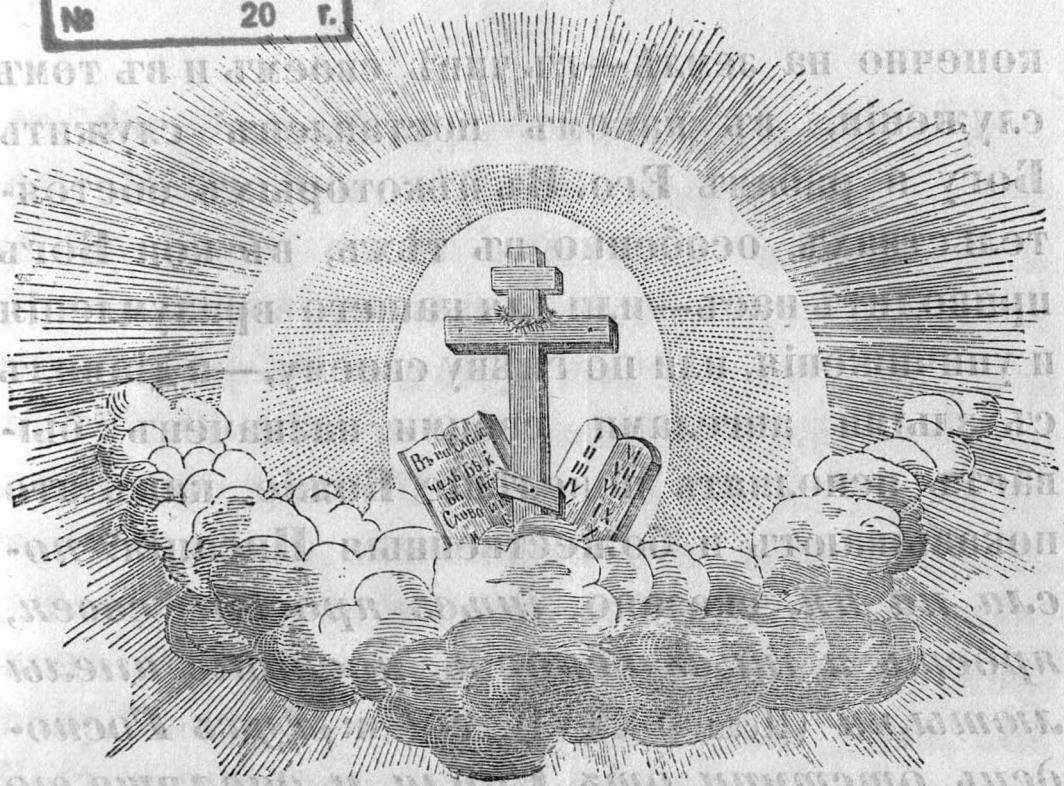
Таково содержаніе **пятого** изданія бесѣдъ, заключающаго въ себѣ сверхъ бесѣдъ бывшихъ въ 4-мъ изд. и здѣсь по мѣстамъ исправленныхъ, еще 24 новыя бесѣды, отмѣченные въ оглавленіи курсивомъ. Эти новыя бесѣды, по желанію нѣкоторыхъ, изданы *отдѣльнымъ выпускомъ* въ виду удовольствіи тѣхъ подписчиковъ, которые уже имѣютъ **четвертое** изданіе.

Выписывающіе „**Бесѣды**“ адресуются въ Редакцію духовныхъ журналовъ, издаваемыхъ при Кіевской Академіи. Цѣна **пятого** изданія **Бесѣдъ** 1 руб. 50 коп. сереб. Цѣна отдѣльнаго выпуска (24-е новыя бесѣды) 50 коп. серебромъ.

Дозволено цензурою. мая 29 дня 1866 года.

Губ. Г. Владиміръ.

въ типографіи А. Александровскаго.

ЧАСТЬ

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ.

1 июня

№ 11.

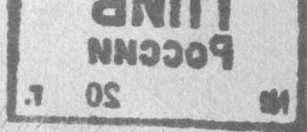
1866 года.

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ

СВ. АНАСТАСІЯ СИНАИТА.

Вопр. Какъ могъ діаволь встать предъ Богомъ вмѣстѣ съ Ангелами (Іов. II. 1.)?

Отв. Не на небѣ предсталъ онъ; ибо недостойнъ сего. Но поелику Богъ все наполняетъ и вездѣприсущъ, то и предсталъ онъ

конечно на землѣ—въ чинѣ своемъ и въ томъ служеніи, въ какомъ поставленъ служить Богу и рабамъ Его. Въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, особенно въ тѣхъ, въ кои Богъ приводитъ насъ—или для нашего вразумленія и уничиженія, или по гнѣву своему,—и діаволь съ злыми ангелами своими назначенъ бываетъ исполнять повелѣніе Божіе, какъ это показываютъ и божественныя Писанія: *посла на ня; сказано, ильвъ ярости своея, ярость и ильвъ и скорбь, посланіе агелы лотыли* (Псал. LXXVII, 49); и: *Духъ Господень отступи отъ Саула, и давяше его духъ лукавый отъ Господа* (I Цар. XVI, 14); и Апостоль говоритъ: *ихже предахъ сатань да накажутся не хулити* (I Тим. 1. 20). И такъ сказанное предстояніе діавола предъ Господомъ должно принимать за служеніе его, въ которомъ поставленъ онъ служить Богу, какъ и Илія говоритъ о себѣ; *живъ Господь, Емуже предстою предъ Нимъ днесъ* (3 Цар. XVII. 1), называя предстояніемъ то служеніе свое, въ которомъ онъ служилъ Господу.

А что слугами Бога называются и люди враждующіе противъ насъ за грѣхи наши,—выслушай, что говоритъ Іезекиль о Навуходносорѣ; *сице глаголетъ Абонаі Господь:*

се Азъ даю Навуходоносору царю Вавилонску землю Египетскую, и возметъ множество ея, и плынитъ плынь ея, и расхититъ корысти ея: и будетъ мзда силъ ею, за службу ею, еюже послужилъ на Тира. Дахъ ему землю Египетскую зане послужилъ Милъ (Ізек. XXIX 19, 20). При томъ и слова, сказанныя отъ лица Господа діаволу, не разумѣются за слова въ собственномъ смыслѣ, сказанныя Господомъ противнику, или имъ—Господу, но самыя дѣла, кои Богъ попускаетъ діаволу дѣлать во вредъ людямъ, принимаются и считаются за слова и звуки.

Вопр. Если царь Вавилонскій въ иносказательномъ смыслѣ принимается за діавола, — какъ же Богъ чрезъ (пророка) Іеремію называетъ его слугою (своимъ), говоря: *Азъ дахъ всю землю сію въ руцѣ Навуходоносору царю Вавилонску слугѣ моему, и зельри сельныя дахъ дѣлати ему* (Іер. XXVII, 6)?

Отв. Діаволъ—и врагъ Божій и мститель. Врагъ—потому что онъ, ненавистникъ Бога по видимому какъ бы имѣетъ любовь къ намъ пагубную, образами самопроизвольныхъ страстей, прелестію удовольствія убѣждая наше произволеніе предпочитать блага временныя вѣчнымъ, и такимъ образомъ всецѣло

овладѣвая желательною силою души нашей, совершенно отдаляетъ насъ отъ любви божественной, самовольно дѣлая насъ врагами Создателя своего. Онъ же—мститель, когда обнаруживъ свою ненависть къ намъ, какъ содѣлавшимся уже изъ за грѣха подвластными ему, усиленно домогается нашего наказанія; ибо ничто не бываетъ такъ пріятно ему, какъ видѣть человѣка подъ ударами наказанія. И какъ скоро это будетъ попущено ему,—тогда, придумывая одно за другимъ пораженія насъ бѣдствіями какими хочетъ, онъ со всею жестокостію, подобно бурѣ нападаетъ на насъ, какъ получившій власть на это по Божію попущенію;—нападаетъ же не потому, что хочетъ исполнить повелѣніе Божіе, но потому, что сильно желаетъ насытить свою страсть ненависти къ намъ, чтобы душа наша, отъ великой тяжести жестокихъ бѣдствій обезсилѣвши до невозможности быть побѣдительницею, утратила силу своей надежды на Бога, и въ самыхъ скорбяхъ, поражающихъ ее, нашла для себя, вмѣсто исправленія, поводъ къ безбожію. Между тѣмъ Богъ, по благости своей желая съ корнемъ исторгнуть изъ насъ сѣмя злоудовольствіе, которое похищаетъ у души нашей любовь къ Богу, попускаетъ діаволу

наносить намъ скорби и мученія, безъ сомнѣнія для того, чтобы съ одной стороны посредствомъ болѣзней души насильно, такъ сказать, извлечь ядъ прежняго удовольствія, а съ другой—чтобы произвести въ насъ ненависть и даже совершенное отвращеніе къ настоящимъ (удовольствіямъ), которыя льстятъ лишь чувствамъ, а между тѣмъ на самомъ дѣлѣ никакой пользы не доставляютъ кромѣ мученій,—мало того—Богъ хочетъ, чтобы человекъ въ самыхъ бѣдствіяхъ, кои навлекъ на себя уклоненіемъ отъ добродѣтели, нашель для себя побужденіе къ возвращенію на путь добродѣтели. Итакъ поелику діаволь, по Божію попущенію, наказываетъ грѣшниковъ, то поэтому и названъ слугою Бога: да и съ справедливостію сообразно, чтобы тѣ, кои охотно приняли отъ діавола лукавыя внушенія къ произвольнымъ грѣхамъ, отъ него же получали и наказанія. Такимъ образомъ діаволь и удовольствіе производитъ посредствомъ произвольныхъ страстей, онъ же и скорбь наводитъ посредствомъ невольныхъ наказаній.—Звѣри же, коихъ Богъ даетъ царю Вавилонскому, суть демоны; каждый изъ нихъ по самовольно-извращенной способности своей вводитъ (насъ) въ то или другое искушеніе. Пбо одинъ вино-

вникъ одного зла, другой—другаго, и притомъ одинъ другаго злѣе и способнѣе (склонять) ко злу. Но безъ поущенія божія демоны ни въ чемъ не могутъ содѣйствовать начальнику зла—дѣволу. А что Богъ по своему человѣколюбію и благому промыслу, *яко же вѣсть*, попускаетъ дѣволу съ его служителями причинять намъ различныя мученія за грѣхи наши,—это ясно показываетъ исторія объ Іовѣ, изъ которой видно, что дѣволъ никакъ не могъ приблизиться къ Іову безъ поущенія Божія.

Златоуста, изъ толкованія на Матѳея: Господь словами: *но избави насъ отъ лукаваго, яко Твое есть царство и сила и слава*—напоминаетъ намъ, кто господствуетъ надъ нами, и что кромѣ Его никого не должно бояться по сказанному: *сыне, гни Господа* и будешь силенъ: кромѣ Его не бойся инаго. И оный врагъ нашъ (дѣволъ) подчиненъ Богу, хотя повидимому еще и сопротивляется, по поущенію Божію. Ибо и онъ изъ числа рабовъ, хотя и осужденныхъ и отверженныхъ; посему не дерзнетъ нападать ни на одного изъ рабовъ, не получивъ прежде власть свѣше, какъ это сбилось на Іовѣ. И что я говорю: ни на одного изъ рабовъ? даже на свиней не дерзнулъ онъ напасть до тѣхъ поръ, пока не было поущено ему, ни на стада овецъ и воловъ Іова (1).

(1) Смотри въ Русск. перевод. бесѣд. 19 стр. 410.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ,
ДАННЫЙ НА ИМЯ ПРЕДСѢДАТЕЛЯ КОМИТЕТА МИНИСТРОВЪ, ДѢЙ-
СТВИТЕЛЬНАГО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА КНЯЗЯ ГАГАРИНА.

Князь Павелъ Павловичъ. Единодушныя изъявленія вѣрноподданнической преданности и довѣрія ко Мнѣ, ввѣреннаго Божиимъ Промысломъ управленію Моему народа, служатъ Мнѣ залогомъ чувствъ, въ коихъ Я нахожу лучшую награду за Мои труды для блага Россіи.

Чѣмъ утѣшительнѣе для Меня сіе сознаніе, тѣмъ болѣе признаю Я своею обязанностию охранять Русскій народъ отъ тѣхъ зародышей вредныхъ лжеученій, которые со временемъ могли бы поколебать общественное благоустройство, если бы развитію ихъ не было постановлено преградъ.

Событіе, вызвавшее со всѣхъ концовъ Россіи доходящія до Меня вѣрноподданническія заявленія, вмѣстѣ съ тѣмъ послужило поводомъ къ болѣе ясному обнаруженію тѣхъ путей, которыми проводились и распространялись этѣ пагубныя лжеученія. Изслѣдованія, производимыя учрежденною по Моему повелѣнію особою Слѣдственной Комисіею, уже указываютъ на корень зла. Такимъ образомъ Провидѣнію благоугодно было раскрыть предъ глазами Россіи, какихъ послѣдствій надлежитъ ожидать отъ стремлений и умствованій, дерзновенно посягающихъ на все для нея искони священное, на религіозныя вѣрованія, на основы семейной жизни, на право собственности, на покорность закону и на уваженіе къ установленнымъ властямъ.

Мое вниманіе уже обращено на воспитаніе юношества. Мною даны указанія на тотъ конецъ, чтобы оно было направляемо въ духъ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія коренныхъ началъ общественнаго порядка, и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное

проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа. Но преподаваніе, соотвѣтствующее истиннымъ потребностямъ юношества, не принесло бы всей ожидаемой отъ него пользы, если бы въ частной семейной жизни проводились ученія несогласныя съ правилами христіанскаго благочестія и съ вѣрноподданническими обязанностями. Посему Я имѣю твердую надежду, что видамъ Моимъ по этому важному предмету, будетъ оказано ревностное содѣйствіе въ кругу домашняго воспитанія.

Не менѣе важна для истинныхъ пользъ Государства въ его совокупности, и въ частности для каждаго изъ Моихъ подданныхъ, полная неприкосновенность права собственности во всѣхъ его видахъ, опредѣленныхъ общими законами и положеніями 19 февраля 1861 года. Независимо отъ законности сего права, одного изъ самыхъ коренныхъ основаній всѣхъ благоустроенныхъ гражданскихъ обществъ, оно состоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ частнаго и народнаго богатства, тѣсно между собою соединенныхъ. Возбуждать сомнѣнія въ семъ отношеніи могутъ одни только враги общественнаго порядка.

Къ утверженію и охраненію сихъ началъ должны стремиться всѣ лица облеченныя правами и несущія обязанности государственной службы. Въ правильномъ государственномъ строѣ первый долгъ всѣхъ призванныхъ на служеніе Мнѣ и Отечеству состоитъ въ точномъ и дѣятельномъ исполненіи своихъ обязанностей, безъ всякаго отъ видовъ Правительства уклоненія. Превышеніе и бездѣйствіе власти одинаково вредны. Однимъ лишь неуклоннымъ исполненіемъ сихъ обязанностей можетъ быть обезпечено то единство въ дѣйствіяхъ Правительства, которое необходимо для осуществленія его видовъ и достиженія его цѣлей.

Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые изъ лицъ состоящихъ на государственной службѣ принимали участіе въ разглашеніи превратныхъ слуховъ или сужденій о дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ Правительства, и даже въ распространеніи тѣхъ противныхъ общественному порядку ученій, которыхъ развитіе допускаемо быть не должно. Самое званіе служащихъ даетъ въ такихъ случаяхъ болѣе вѣса ихъ словамъ и тѣмъ самымъ способствуетъ къ искаженію видовъ Правительства. Подобные безпорядки не могутъ быть терпимы. Всѣ начальствующіе должны наблюдать за дѣйствіями своихъ подчиненныхъ и требовать отъ нихъ того прямого, точнаго и неуклоннаго исполненія предудказанныхъ имъ обязанностей, безъ котораго невозможенъ стройный ходъ управленія и которымъ они сами должны подавать примѣръ уваженія къ власти.

Наконецъ, для рѣшительнаго успѣха мѣръ, принимаемыхъ противъ пагубныхъ ученій, которыя развились въ общественной средѣ и стремятся поколебать въ ней самыя коренныя основы вѣры, нравственности и общественного порядка, всѣмъ начальникамъ отдѣльныхъ правительственныхъ чатей надлежитъ имѣть въ виду содѣйствіе тѣхъ другихъ здравыхъ, охранительныхъ и добронадежныхъ силъ, которыми Россія всегда была обильна и доселѣ, благодаря Бога, преизобилуетъ. Этѣ силы заключаются во всѣхъ сословіяхъ, которымъ дороги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя на законѣ основанныя и закономъ опредѣленные, начала общественного порядка и общественной безопасности, начала государственнаго единства и прочнаго благоустройства, начала нравственности и священныя истины вѣры. Надлежитъ пользоваться этими силами и сохранять въ виду ихъ важныя свойства при назначеніи должностныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія. Такимъ образомъ

обезпечится отъ злонамѣренныхъ нареканій, во всѣхъ слояхъ народа, надлежащее довѣріе къ Правительственнымъ властямъ. Въ этихъ видахъ, согласно всегдашнимъ Моимъ желаніямъ и неоднократно выраженной Мною волѣ, надлежитъ по всѣмъ частямъ управленія оказывать полное вниманіе охраненію правъ собственности и ходатайствамъ относящимся до пользы и нужды разныхъ мѣстностей и разныхъ частей населенія. Надлежитъ прекратить повторяющіяся попытки къ возбужденію вражды между разными сословіями, и въ особенности къ возбужденію вражды противъ дворянства и вообще противъ землевладѣльцевъ, въ которыхъ враги общественнаго порядка естественно усматриваютъ своихъ прямыхъ противниковъ. Твердое и неуклонное соблюденіе этихъ общихъ началъ положить предѣлъ тѣмъ преступнымъ стремленіямъ, которыя нынѣ съ достаточною ясностію обнаружались и должны подлежать справедливой карѣ закона. Поручаю вамъ сообщить настоящій рескриптъ Мой, для надлежащаго руководства, всѣмъ Министрамъ и Главноначальствующимъ отдѣльными частями.

Пребываю къ вамъ навсегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано.

«АЛЕКСАНДРЪ»

Въ Царскомъ Селѣ,

13 мая 1866 г.

Къ молодымъ людямъ ⁽¹⁾
(напутственное слово законоучителя къ воспитанникамъ
второго выпуска Александровскаго военнаго училища).

*Жатва многа, дѣлателей мало;
молитесь Господину жатвы,
чтобы Онъ послалъ дѣлателей
на жатву свою. Матѳ. IX,
37—38.*

Вамъ, молодые люди, приходится вступать въ жизнь въ такое время, когда жить становится особенно трудно. Вамъ, поэтому, съ особенною внимательностію нужно всмотрѣться въ самихъ себя, какія силы вы несете на служеніе обществу,—и въ окружающую среду, какія задачи она представляетъ для вашей дѣятельности, и какія условія даетъ для выполнения этихъ задачъ.

Новое время представило нашему обществу много новыхъ задачъ и вопросовъ для разрѣшенія вступающимъ въ жизнь поколѣніямъ. При всей напряженной работѣ силъ общественныхъ, чувствуется недостатокъ въ силахъ для разрѣшенія этихъ широкихъ и сложныхъ задачъ. Прошло то время фальшиваго, но успокоительнаго самообольщенія, когда мы съ гордостью говорили, что силъ у насъ великое множество, только простора и дѣла имъ нѣтъ, и недостатокъ дѣла любили относить къ постороннимъ, не за-

(1) Перепечатывая превосходное «Слово» о. А. М. Иванцова—Платонова, еще въ прошлокъ году помѣщенное въ «Прав. Обзорѣніи», мы увѣрены, что дѣлаемъ это особенно благовременно. Авторъ такъ глубоко проникъ въ причины нашихъ современныхъ нравственныхъ болѣзней, нашей малоуспѣшности и шаткости въ общественной жизни и дѣятельности, и такъ полно и удачно рисуетъ явленія этихъ причинъ въ окружающей насъ средѣ, что лучшаго взгляда на предметъ мы не встрѣчади во всей дух. литературѣ прошлаго года.

висящимъ отъ насъ условіямъ. Прошло и то недавнее время восторженной напряженности, когда мы съ полною увѣренностію въ своихъ силахъ бросились навстрѣчу новымъ задачамъ и вопросамъ, другъ передъ другомъ спѣшили ставить все новые и новые вопросы съ полною увѣренностію, что у насъ достанетъ силъ справиться со всеми ими, и жаловались только на медленность введенія этихъ вопросовъ въ жизнь общественную административнымъ путемъ. Настала пора раздумья и разочарованія въ себѣ. Мы чувствуемъ, что дѣла у насъ много, — только силъ для совершенія дѣла не достаетъ. Повсюду жалобы на недостатокъ въ людяхъ. Повсюду опасенія за успѣхъ вводимыхъ въ жизнь реформъ, — какъ бы этѣ реформы не остались безъ дѣйствія, или не были даже искажены, при недостаткѣ дѣятелей, способныхъ вводить ихъ въ жизнь общественную. Прекрасныя формы жизни, заимствуемыя изъ другихъ странъ, могутъ дать совсѣмъ не тѣ результаты, какъ тамъ, при дурныхъ исполнителяхъ. Итакъ, все выходитъ шатко въ нашемъ общественномъ прогрессѣ: мѣры хороши, а исполнители плохи; дѣла много, а дѣятелей нѣтъ; и еслибы можно было сказать — вино новое, а мѣхи старые, — нѣтъ, мѣхи поновлены, а вино часто выдохшееся, — форма блестяща, а содержаніе пусто. Жатва многа, а дѣлателей мало.

Отъ чего же это зависитъ? Мы не беремся указывать всѣхъ частныхъ причинъ этого явленія. Тѣмъ менѣе мы считаемъ своимъ дѣломъ пускаться въ обсужденіе и осужденіе внѣшнихъ, на примѣръ административныхъ условій для развитія общественной дѣятельности. Наше дѣло указать только самыя общія, и собственно нравственныя, отъ насъ самихъ зависящія условія нашей слабой дѣятельности, нашихъ неуспѣховъ въ общественной жизни, въ предостереженіе вступающему въ жизнь поколѣнію, чтобы оно, по возможности, избѣгало тѣхъ подводныхъ

камней въ жизни, о которые всего болѣе сокрушаются крѣпость и успѣхъ дѣла общественнаго.

И прежде всего указанное грустное явленіе въ нашей общественной жизни зависитъ, кажется, отъ того, что у насъ много силъ растрачивается совершенно даромъ—въ ранней молодости, еще не достигшихъ полного образованія, не употребленныхъ въ дѣло. И вотъ вамъ первое желаніе, молодые люди: дай Богъ вамъ въ молодости сберечь свои силы крѣпкими и неповрежденными для труда серіознаго. Свято храните и здоровье тѣла, и чистоту сердца, и трезвость ума, и крѣпость всѣхъ физическихъ и нравственныхъ силъ. Молодость, къ сожалѣнію, всегда бываетъ слишкомъ самонадѣянна и нерасчетлива въ своихъ силахъ. Въ молодости думается, будто жизни нѣтъ конца и силамъ нѣтъ мѣры. Простое горячее напряженіе принимается за избытокъ силъ, который какъ будто нужно издержать какъ можно скорѣе. Молодость съ увлеченіемъ бросается на все, часто не соразмѣряя силъ съ тѣмъ, за что берется. Какъ будто въ сознаніи, что опытность есть преимущество жизни, молодые люди нерѣдко слишкомъ рано стараются быть опытными, и большею частію не въ томъ, въ чемъ слѣдуетъ. Преждевременно и искусственно возбуждаются и раздражаются страсти, и безъ того трудно сдерживаемыя въ молодомъ возрастѣ. Наслажденіе удовольствіями не въ мѣру доходить до притупленія вкуса къ удовольствіямъ, а въ иныхъ и до жалкаго пресыщенія жизнью. Здоровье тратится попусту отъ нерасчетливаго распредѣленія силъ и времени. Умъ, еще не укрѣпленный знаніемъ и мыслью, раздражается сомнѣніями и вопросами о такихъ предметахъ, съ которыми не подъ силу бороться и самому окрѣпшему уму. За недостаткомъ настоящихъ подвиговъ и волненій въ жизни, за недостаткомъ серіозной борьбы,—молодость нерѣдко выдумываетъ себѣ воображаемые подвиги, фаль-

шивую борьбу, а силы-то тратятся на нихъ истинныя. Все въ напряженіи, часто въ искусственномъ, фальшивомъ напряженіи... Жизнь преждевременно изживается,—преждевременно тратятся силы. А потомъ настааетъ настоящая жизнь, настоящій подвигъ,—силъ уже нѣтъ. Опять преждевременное недовольство жизнью, разочарованіе, иногда трусость передъ жизнью, плаксивыя жалобы на другихъ людей, или на какую-то, никѣмъ не знаемую, и всѣхъ будто преслѣдующую, судьбу. Вотъ печальная исторія многихъ поколѣній,—и вотъ главная причина недостатка силъ у насъ для дѣла общественнаго. Счастливы тотъ, кто въ молодости не извѣдалъ этой исторіи и сохранилъ крѣпкія силы для серьезнаго подвига жизни. Трудно, и можетъ быть несправедливо, было бы требовать отъ молодости, чтобы въ ней вовсе не было увлеченій. Этимъ, говорятъ, жизнь красится: да справедливо ли говорятъ и въ какомъ смыслѣ нужно понимать эти слова? Таковъ, по крайней мѣрѣ, непремѣняющійся законъ естественной, испорченной жизни человѣка, что дѣло въ ней всегда мѣшается съ бездѣльемъ и истина достигается путемъ многихъ ошибокъ. Но если же есть какой прогрессъ въ жизни, если новѣйшія поколѣнія въ томъ полагаютъ свое преимущество, что имъ досталось наслѣдіе прежнихъ: то можно же желать, чтобы горькіе опыты поколеній предшествовавшихъ не остались безъ плода для послѣдующихъ,—чтобы молодые люди нынѣшняго времени серьезно смотрѣли на жизнь и лучше дорожили силами, чѣмъ прежніе. Между тѣмъ, когда мы смотримъ на окружающую среду, грустно и страшно дѣлается за молодыхъ поколѣнія, вступающія въ жизнь: столько соблазновъ предстать имъ,—и что всего опаснѣе—соблазнъ въ нынѣшнее время представляется не просто какъ соблазнъ, а чуть не какъ святое, нравственное требованіе жизни. Ложь выступаетъ подъ видомъ истины,—грѣхъ маскируется кра-

сотою нравственнаго долга. Являются у молодаго поколѣнія особенные руководители, намѣренно сбивающіе его съ твердаго пути; проповѣдуются цѣлыя теоріи, оправдывающія преждевременную, неразсчетливую растрату силъ. Проповѣдуютъ ученіе о правахъ и свободѣ плоти, дающее поводъ молодымъ людямъ оправдывать преждевременное и незаконное удовлетвореніе страсти, какъ разумную и законную потребность природы. Въ ущербъ гармоническому и цѣльному развитію духовныхъ силъ, изсушаютъ душу молодыхъ людей преждевременнымъ развитіемъ склонности къ сомнѣнію и отрицанію, даже не научивъ ихъ напередъ владѣть опаснымъ оружіемъ логическаго анализа и отрицанія. Проповѣдуютъ льстивую для юношеской лѣни мысль, будто для того, чтобы быть развитымъ человѣкомъ, нѣтъ надобности укрѣплять умъ серьезнымъ и труднымъ ученіемъ, а достаточно прочесть пять—шесть книжекъ новѣйшаго направленія, дабы изъ нихъ извлечь только такъ-называемые послѣдніе результаты современной мысли. Завлекаютъ молодыхъ людей, еще не извѣдавшихъ жизни, не укрѣпившихъ ума и характера, просто не разставшихся съ школьною скамьей, прямо бросаться въ водоворотъ общественной борьбы и въ ней нерѣдко навсегда губить свои силы, свою судьбу. Съ раннихъ лѣтъ стараются убивать въ молодыхъ людяхъ лучшія теплыя и безкорыстныя чувства и привязанности, святыя чаянія души человѣческой, самую дорогую вѣру въ жизнь и людей—жесткими и сухими матеріалистическими воззрѣніями на жизнь и людей. Лестны этѣ теоріи для испорченной природы человѣческой, потому что онѣ льстятъ всякой распушенности и бездѣлю, снимаютъ узду съ дурныхъ инстинктовъ человѣческой природы. Естественно, что онѣ съ успѣхомъ распространяются въ молодомъ поколѣніи, еще неопытномъ и жадномъ до всего новаго,—и сколько зла отсюда выходитъ!.. Дай Богъ,

чтобы зло ограничивалось, по крайней мѣрѣ, только временнымъ омраченіемъ нѣсколькихъ молодыхъ умовъ. Избави Богъ, какъ бы имъ не были искалечены нравственныя и физическія силы почти цѣлаго поколѣнія....

Много силъ тратится и убивается у насъ попусту въ молодости; но еслибы и въ зрѣломъ возрастѣ, когда мы дѣлаемся настоящими общественными дѣятелями, мы всѣ, по крайней мѣрѣ, большую часть оставшихся силъ употребляли въ дѣло на пользу общества,—великая была бы въ обществѣ масса силъ дѣятельныхъ. Но не такъ бываетъ. И большая часть жизни посвящается у насъ такъ называемымъ развлеченіямъ, удовольствіямъ, личнымъ интересамъ, просто праздности и бездѣлю, а не дѣлу. Лѣность, бѣгство отъ всякаго дѣла и преимущественно апатія къ дѣлу общественному — наши исконные враги. И вотъ другая причина вялости и шаткости нашего общественного прогресса. И вотъ другое благожеланіе вамъ, молодые люди! Дай вамъ Богъ, сохранивъ цѣлыя и крѣпкія силы для жизни и приготовивъ ихъ къ жизненной дѣятельности серьезнымъ развитіемъ, быть настоящими людьми дѣла, а не празднолюбцами,—не искателями однихъ забавъ, развлеченій, личныхъ выгодъ и т. п. Не новое что-нибудь мы здѣсь высказываемъ. Въ наше время (и за это честь ему) всѣ говорятъ о дѣлѣ, и между молодыми людьми теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь прежде, можно услышать фразу «нужно дѣло дѣлать!» Наше время по преимуществу называютъ временемъ дѣловымъ и собственно въ молодомъ современномъ поколѣніи зародился, говорятъ, въ послѣдніе годы цѣлый особенный типъ людей дѣла (реалистовъ), т. е. людей съ особенно сильнымъ стремленіемъ и способностями къ дѣлу. Увлеченіе дѣломъ въ наше время доходитъ какъ будто даже до крайности. «Не нужно намъ людей чувства, говорятъ почти такъ, пустыхъ сантиментальныхъ фантазеровъ;—поменьше лю-

дей знанія и мысли, сухихъ доктринеровъ,—побольше людей дѣла; пожалуй, пусть будетъ и мысль, и чувство, но чтобы непремѣнно они имѣли дѣловое, практическое направление,—чтобы мысль напримѣръ, только и занималась тѣмъ, что нужно ѣсть и пить,—а чувство только и чувствовало состояніе насыщенія и голода». Но извѣстная истина: не всегда-то такъ бываетъ на дѣлѣ, какъ бываетъ на словахъ. Мы не станемъ подозрительно относиться къ серьезнымъ и дѣльнымъ стремленіямъ молодаго поколѣнія. Мы не будемъ слишкомъ строги къ нему, какъ строго оно часто относится къ поколѣніямъ прежнимъ. Впервые мы знаемъ, что далеко же не всѣ молодые люди принадлежатъ къ этому особенному типу молодыхъ людей, которые имѣютъ такое высокое понятіе о своихъ дѣловыхъ способностяхъ, и почему-то ни съ кѣмъ не спросившись, считаютъ себя не только представителями молодаго поколѣнія, но выдаютъ, какъ будто все молодое поколѣніе въ нихъ заключается. Далѣе мы знаемъ, что и всегда во всѣхъ поколѣніяхъ бывали настоящіе люди дѣла, и бывали люди праздные, бездѣльные, иногда просто такъ и считающіе себя людьми праздными, бездѣльными, а иногда, напротивъ, еще болѣе самыхъ дѣловыхъ людей любящіе выставять себя людьми горячо и неутомимо дѣятельными, въ—сущности же только имѣющіе ловкость отговариваться отъ дѣла красивыми фразами. Въ какомъ поколѣніи больше способныхъ и усердныхъ къ дѣлу людей: въ томъ ли, которое выходило изъ школъ въ шестидесятыхъ годахъ, когда говорятъ и появился этотъ вышеупомянутый типъ людей дѣла—реалистовъ, или въ пятидесятыхъ, сороковыхъ, тридцатыхъ,—этого мы не станемъ рѣшать. Да и трудно въ этомъ отношеніи было бы сравнивать поколѣнія шестидесятыхъ годовъ съ поколѣніями хоть сороковыхъ,—потому что если о послѣднихъ мы кое-что знаемъ, каковы они были, что сдѣлали, кто между ними осо-

бенно отличился, какъ общественный дѣятель, то о первыхъ пока рѣшительно невозможно сказать опредѣленнаго сужденія, каковы они будутъ, и сколько изъ нихъ выйдетъ великихъ дѣятелей. Имъ принадлежитъ будущее, — пока мы отъ нихъ ничего не видали, пока мы только много слышимъ о нихъ. Мы не отрицаемъ того, что въ этомъ поколѣннн много дѣльныхъ людей. Намъ хочется вѣрить и тому, что въ немъ больше выйдетъ дѣльныхъ людей, чѣмъ въ прежнихъ поколѣнняхъ. Этому такъ и быть должно; и иначе было бы безчестье молодому поколѣнню, потому что это поколѣнне живетъ позже прежнихъ, и живетъ при болѣе благоприятныхъ условняхъ. Но, именно ради самаго уваженія къ серьезнымъ и дѣльнымъ стремленнямъ молодаго поколѣннн, желалось бы видѣть въ немъ меньше такихъ качествъ, которыя не служатъ признаками настоящей серьезности и дѣльности. И прежде всего, опасный для дѣла признакъ — это то, что многіе молодые люди слишкомъ уже много говорятъ о своихъ дѣловыхъ способностяхъ и стремленняхъ. Болтливость и пустословіе — не признакъ дѣловыхъ людей. Кто на самомъ дѣлѣ дѣлаетъ дѣло, тому некогда, да и нѣтъ нужды много говорить о своей дѣятельности. У кого трудовая жизнь обратилась въ привычку, тотъ не станетъ вездѣ выставляться съ своими трудами, потому что они для него не составляютъ чего-нибудь особеннаго, необыкновеннаго, годнаго на выставку; они для него такое обыкновенное дѣло, о которомъ и говорить нечего. Кто много хвалится своимъ безкорыстнемъ, самоотверженнемъ, мужествомъ, это почти всегда вѣрный признакъ того, что случаи безкорыстія, самоотверженія, мужества слишкомъ рѣдки въ жизни такого человѣка: поэтому-то онъ и старается ихъ постоянно держать на глазахъ у себя и у другихъ, какъ нѣчто выходящее изъ ряду вонъ, какъ нѣчто необыкновенное. Точно также кто любитъ хвалиться своею дѣятельностью, — у

того дѣятельность едва ли составляетъ привычку жизни....
Еще хуже то, что многіе, не дѣлая почти ничего, а только много говоря о дѣлѣ, не только другихъ стараются увѣрить, что они дѣльные люди, но и сами искренно увѣрены въ этомъ. Это довольно новое и очень опасное явленіе въ нашей общественной жизни. Въ прежнее время дѣлали дѣла мало,—по крайней мѣрѣ и не думали много о своей дѣятельности, и не придавали ей большаго значенія. Потомъ, не задолго до нашего времени былъ, говорятъ, въ нашемъ обществѣ особенный типъ людей, всю жизнь по видимому гонящихся за дѣломъ, тосковавшихъ о дѣлѣ, и во всю жизнь почти ничего не дѣлавшихъ, частью по причинамъ отъ нихъ не зависящимъ,—частью по ихъ собственной винѣ, потому что они не умѣли найти и приладить себя къ дѣлу, потому что они были искажены и испорчены въ самомъ воспитаніи,—потому наконецъ, что много еще оставалось въ ихъ натурѣ лѣни природной и отъ предковъ наслѣдованной, а убѣжденіе въ необходимости труда, напитавшее умъ и затронувшее сердце, не было на столько сильно, чтобы совершенно переработать натуру и весь строй жизни, искоренить старыя, неприязненныя труду привычки,—внѣшнихъ же возбужденій къ труду, при обезпеченности жизни, было мало. Много въ нынѣшнее время смѣются надъ этими, отживающими свое время людьми,—много укоряютъ ихъ за то, что жизнь ихъ прошла безслѣдно, и ничего не внесено ими въ общественное дѣло. Но не говоря уже о томъ, что этотъ послѣдній упрекъ далеко не совсѣмъ справедливъ, не говоря о томъ, что эти люди въ свое время имѣли болѣе оправданій для своей недѣятельности, чѣмъ бездѣльные люди нашего времени; — нужно отдать имъ справедливость въ томъ, что они, по крайней мѣрѣ, не обманывали себя и другихъ, не говорили много о своей дѣятельности. Напротивъ, такъ и считали себя людьми бездѣльными, мало

того, — неспособными къ дѣлу, испорченными для дѣла, лишними въ жизни людьми. Силенъ былъ въ нихъ духъ самоиспытанія и самообличенія, — и этотъ благородный самообличенія духъ самъ по себѣ долженъ былъ дать нѣсколько добрыхъ залоговъ для общественнаго развитія. Вотъ этого-то самоиспытанія и самообличенія, къ сожалѣнiю, мало замѣтно въ настоящее время. Большая часть людей нынѣшняго времени такъ довольна собой, что становится страшно за нихъ самихъ и за будущее нашего общественнаго развитія, потому что это довольство собою есть главный источникъ отупѣнiя и нравственнаго застоя. Можетъ быть въ началѣ просто по реакціи давнему привычному бездѣлю, въ нынѣшнее время особенно много стали говорить о дѣлѣ, и договорились до того, что оглушили самихъ себя своими словами, и праздыя фразы о дѣлѣ начали принимать за самое дѣло. Вотъ здѣсь-то большая опасность, какъ бы иные не удовольствовались даже этимъ. Тунеядецъ, сознающій свое тунеядство, все подаетъ надежды къ исправленію, — по крайней мѣрѣ своимъ примѣромъ онъ не слишкомъ вредно дѣйствуетъ на другихъ. Но отъ тунеядца, выставляющаго себя дѣловымъ чело-вѣкомъ, рѣшительно нечего ожидать, — и онъ самое вредное явленіе въ обществѣ по нравственному вліянiю на другихъ. Еще новый опасный для дѣла признакъ времени: между многими такъ-называемыми дѣловыми людьми современнаго развитія распространяются самыя поверхностныя и извращенныя понятія о дѣлѣ, не только обличающія въ нихъ незнакомство съ настоящимъ дѣломъ, но, что еще хуже, внушающія опасенія за ихъ способность къ дѣлу и на будущее время. Мы уже упоминали объ одномъ изъ такихъ ложныхъ понятій; въ наши времена какъ-то слишкомъ рѣзко стали раздѣлять область практическаго дѣла отъ области мысли и чувства. «Поменьше намъ, говорятъ, философовъ — людей мысли, — вовсе не нужно людей

чувства,—давайте намъ людей дѣла!» Положимъ, подобныя фразы не что иное, какъ неловкое выраженіе мысли, имѣющей въ основаніи своемъ нѣчто справедливое, т. е. что мысль и чувство не должны заниматься предметами, совершенно отвлеченными отъ жизни, а должны имѣть практическое, близкое къ жизни направленіе. Но въ дѣлѣ серьезномъ и самая неточность выраженія мысли, спутывающая и сбивающая съ толку некрѣпкіе умы, можетъ принести много вреда. Вотъ не въ этой ли неточности беретъ свое начало распространяющееся въ нынѣшнее время легкомысленное и вредное пренебреженіе къ серьезной наукѣ, къ чистому искусству,—ко всему тому, чего мы хорошо не понимаемъ, и на этомъ основаніи считаемъ себя въ правѣ совершенно отрицать? Не отсюда ли происходитъ и то, что у насъ иные преждевременно стремятся на поприще общественной дѣятельности, не кончивъ курса школьнаго образованія, и оставаясь плохими учениками въ школѣ, утѣшаютъ себя мыслию, что они будутъ великими общественными дѣятелями въ жизни? Пустыя мечты, ложныя представленія одѣлѣ! Безъ знанія, безъ истиннаго одушевленія не можетъ быть настоящаго дѣла,—а тѣмъ болѣе важнаго дѣла общественнаго. Дѣло человѣческое должно быть непохоже на работу машины, или неразумнаго животнаго. Оно только тогда хорошо, когда управляется знаніемъ и согрѣвается одушевленіемъ. Поэтому, не отвращаясь намъ нужно отъ людей мысли и чувства. Нѣтъ, дай Богъ побольше намъ людей мысли, обогащенной знаніемъ, и людей истиннаго одушевленія,—только тогда будутъ у насъ и настоящіе люди дѣла! И пусть поменьше будетъ такихъ дѣятелей, которые, подобно рабочей машинѣ, готовы дѣлать всю жизнь для самихъ себя невѣдомо что, безъ участія мысли и чувства, въ направленіи, какое угодно будетъ давать ихъ силамъ тѣмъ, для кого выгодно распорядиться этими силами, какъ механическими силами.

Другое еще болѣе распространенное въ наше время, и не менѣе ошибочное и вредное предствленіе о дѣлѣ,—будто дѣлать дѣло и стать дѣльнымъ человѣкомъ очень легко. Такое понятіе естественно можетъ образоваться при незнакомствѣ съ настоящимъ дѣломъ. Зная о трудѣ по наслышкѣ, или смотря на трудъ со стороны, очень натурально не замѣтитъ трудности труда. Отсюда легкіе взгляды, что мы способны ко всякому дѣлу, за какое бы ни принялись. Отсюда безпощадная строгость въ оцѣнкѣ чужихъ трудовъ, можетъ быть и небезукоризненныхъ, но все-таки какъ всякій трудъ, заслуживающихъ уваженіе. Слишкомъ скоры и щедры бываемъ мы на приговоры другимъ. «Тотъ-ничего не дѣлаетъ, другой дѣлаетъ свое дѣло чрезвычайно дурно, а между тѣмъ дѣло кажется такое легкое, — намъ стоило бы только приняться за него, и у насъ бы оно пошло совсѣмъ иначе.» Нѣтъ друзья, не обольщайте себя; такой взглядъ на дѣло больше всего показываетъ, что мы еще не знаемъ настоящаго дѣла. Смотря на трудъ со стороны, естественно, мы говоримъ, не видѣть трудности труда. Но не такъ будетъ разсуждать знакомый съ дѣломъ. Нѣтъ, никогда не обольщайте себя пріятною, но обманчивою мыслью, будто стать общественнымъ дѣятелемъ легко. Ничто серьезное въ жизни не достается легко. Какъ въ дѣлѣ образованія, такъ и во всякомъ дѣлѣ, по пословицѣ—корни бываютъ не вкусны, только плоды сладки. Кто желаетъ быть общественнымъ дѣятелемъ, долженъ приготовить себя къ тяжелому труду,—долженъ не о лаврахъ думать, а напередъ о терніяхъ, чрезъ которыя лежитъ путь къ лаврамъ. Иначе, приступая къ дѣлу съ слишкомъ легкимъ понятіемъ о дѣлѣ, мы на первыхъ же порахъ можемъ испытать разочарованіе. Первый опытъ покажетъ, что дѣло дѣлать далеко не такъ легко, какъ думалось,—и хорошо, если этотъ первый опытъ не охладитъ, не разочаруетъ насъ, а только образумитъ на будущее время. А

то и такъ бываетъ, что иной, испытавши трудность перваго дѣла въ жизни, теряетъ потомъ энергію на всякое дѣло; а иной всю жизнь будетъ бросаться то на то, то на другое дѣло,—и никогда ни одного дѣла не сдумаетъ выдержать и довести до конца. Это стремленіе бросаться на все и ничего не успѣвать,—хвататься за самыя великія, за самыя широкія и, большею частью не касающіяся насъ дѣла,—не умѣя дѣлать дѣлъ самыхъ простыхъ, собственно до насъ относящихся,—это также характеристическій признакъ времени, много мѣшающій успѣху общественной дѣятельности. За науку мы беремся,—намъ сейчасъ хочется перестроить ее въ самыхъ основаніяхъ, освѣтить новыми воззрѣніями матеріаль науки, не давая себѣ труда напередъ изучить основательно этотъ матеріаль, иногда не имѣя самыхъ простыхъ элементарныхъ свѣдѣній въ томъ, о чемъ мы разсуждаемъ съ такою самоувѣренностью. Въ общественной дѣятельности намъ представляется, какими мы могли бы быть великими государственными людьми, законодателями, организаторами, реформаторами общества. И между тѣмъ мы не умѣемъ быть просто исправными исполнителями самыхъ несложныхъ отправленій общественной дѣятельности—хорошими чиновниками, офицерами, учителями и т. д. Просвѣщать кого-нибудь хотимъ,—намъ всего противнѣе имѣть дѣло съ какою-нибудь азбукой, или ариѳметикой (оно же всетаки и труда и терпѣнья нѣкотораго требуетъ): то ли дѣло прямо взяться за политику и философію и сообщать своимъ прозелитамъ такъ-называемые послѣдніе результаты современной мысли. Порывъ гуманности и человѣколюбія пробуждается въ насъ,—мы прямо хотѣли бы облагодѣтельствовать цѣлое человѣчество, или ужъ, по крайней мѣрѣ, цѣлый народъ; а до того иногда и дѣла нѣтъ, что кто-либо изъ людей самыхъ ближайшихъ къ намъ терпитъ крайнюю нужду. Странное противорѣчіе считать себя способными къ вели-

кимъ дѣламъ, не умѣя дѣлать малыхъ. Но въ немъ опять высказывается прежде всего наша неблагогородная привычка тянуться за лаврами побѣды, едва по наслышкѣ зная о борьбѣ, а потомъ наше непониманіе настоящаго дѣла: ибо кто же изъ людей понимающихъ станетъ думать, что дѣлать великія дѣла легче, чѣмъ малыя? Наконецъ здѣсь же находитъ себѣ убѣжище опять-таки та же наша лѣнь, пустота, любовь къ бездѣлю. Бросаясь въ высокія и широкія сферы дѣятельности, всего удобнѣе ничего не дѣлать, а казаться дѣлающимъ. Здѣсь удобнѣе ограничиться одними словами о дѣлѣ, или, если взяться за дѣло и ничего не сдѣлать, извинить себя широтою предпринятой задачи, силою противодѣйствующихъ обстоятельствъ, неимѣніемъ опоры въ окружающей средѣ и т. д. Понятно однакожь, что такое отношеніе къ дѣлу не можетъ принести никакой пользы обществу; напротивъ, ничто болѣе не можетъ вредить ему, какъ это намѣренное усыпленіе и безъ того дремлющихъ силъ,—обманчивый призракъ дѣятельности тамъ, гдѣ нѣтъ никакой дѣятельности. Только тогда общественное дѣло будетъ развиваться правильно, когда каждый изъ насъ будетъ исправно и добросовѣстно дѣлать прежде всего свое, хоть и малое дѣло, не мѣшаясь въ чужія. Тогда будутъ у насъ великіе дѣятели въ высшихъ общественныхъ сферахъ, когда будутъ вполне исправные въ низшихъ: потому что, если кто является плохимъ и неспособнымъ дѣтелемъ въ высшей сферѣ дѣятельности,—это именно всего болѣе зависитъ отъ того, что онъ слишкомъ легко относился къ низшимъ сферамъ. Нужно всегда начинать съ малаго, чтобы быть способнымъ дѣлать великое. Мы не ту нравственную ограниченность здѣсь проповѣдуемъ, чтобы каждый ограничивался только механическимъ исполненіемъ своего дѣла, относясь совершенно безучастно ко всѣмъ прочимъ интересамъ общества и не обращающая даже вниманія на то, какое значеніе занимаетъ его

дѣло въ великомъ дѣлѣ общественномъ. Нѣтъ, пусть каждый по мѣрѣ своего пониманія и живости натуры, мыслью и сердцемъ принимаетъ участіе въ интересахъ общественныхъ, но пусть не представляетъ этого чѣмъ-то особенно важнымъ, пусть этому не придаетъ значеніе дѣла; кромѣ этого, пусть каждый изберетъ себѣ специальный кругъ дѣятельности, въ которомъ бы могъ приложить свои общія идеи о благѣ общественномъ, строго испытавъ напередъ, къ чему кто способенъ, или въ случаѣ затрудненія въ этомъ вопросѣ, слѣдуя простому указанію обстоятельствъ жизни и другихъ болѣе опытныхъ людей. У кого есть великія силы, у того онѣ скажутся и въ малой сферѣ дѣятельности,—и сама собою будетъ расширяться для нихъ эта сфера, по мѣрѣ пріобрѣтенія нужной и для великихъ силъ жизненной опытности.

Еще одна изъ главнѣйшихъ причинъ недостаточнаго успѣха въ нашей общественной дѣятельности заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что у насъ очень мало даютъ или почти вовсе не даютъ значенія нравственности въ дѣлахъ общественныхъ. Извѣстная способность и нѣкоторая подготовка къ дѣлу, помимо всякихъ случайныхъ условій, у насъ все еще требуется отъ общественнаго дѣятеля; но что касается до нравственныхъ качествъ и требованій,—до нихъ, собственно говоря, никогда почти не бываетъ дѣла ни тому, кто принимаетъ на себя общественную дѣятельность, и никому другому. Правильная мысль, что добрая нравственность (а тѣмъ болѣе одинъ наружный видъ нравственности—лицемѣрная нравственность) сама по себѣ не можетъ замѣнить въ человѣкѣ способности къ извѣстному дѣлу, т. е. не можетъ дать обществу ни хорошихъ офицеровъ при недостаткѣ военнаго образованія и способностей къ военному дѣлу,—ни хорошихъ учителей при недостаткѣ знанія и педагогической опытности,—ни хорошихъ литераторовъ при неумѣнн

писать и т. д. Но эту правильную мысль у насъ исказили довели до крайности, извратили въ совершенно другую ложную и вредную мысль, что для общественной дѣятельности вовсе не нужна нравственность, что между общественною дѣятельностью и личною нравственностью дѣятелей нѣтъ, не можетъ быть, и не должно быть ничего общаго. У насъ никого не удивить, напротивъ всѣмъ покажется совершенно справедливою въ сущности превратная и вредная мысль, что можно быть хорошимъ общественнымъ дѣятелемъ, прекраснымъ офицеромъ, образцовымъ чиновникомъ, отличнымъ двигателемъ народной промышленности и торговли—и быть въ тоже время человекомъ безнравственнымъ. Мало того—офицеромъ, чиновникомъ,—у насъ равнодушны къ нравственнымъ требованіямъ даже въ такихъ сферахъ жизни и дѣятельности, которыя главнымъ образомъ могутъ держаться на нравственномъ вліяніи. У насъ думаютъ, что можно быть прекраснымъ отцомъ семейства, образцовымъ воспитателемъ юношества, великимъ пророкомъ—карателемъ и учителемъ цѣлаго общества, поэтомъ, публицистомъ—и быть въ тоже время человекомъ безнравственнымъ. Какіе плоды изъ этого? Во всѣхъ сферахъ общественной жизни—нравственное расслѣніе и зараза, отъ которой трудно уберечься самой чистой и самой крѣпкой натурѣ, которая не поддается никакимъ внѣшнимъ реформаторскимъ мѣрамъ, именно потому, что наружныя лекарства не помогаютъ тамъ, гдѣ корень болѣзни кроется глубоко внутри. Неправосудіе и лихоимство въ администраціи. обманъ и банкротство въ торговлѣ и промышленности, формальное исполненіе обязанностей почти во всѣхъ сферахъ государственной и общественной службы, угнетеніе или расслѣніе молодыхъ силъ въ образованіи и воспитаніи,—недобросовѣтность обращенія съ словомъ и мыслью ради ловкой фразы и выгодной платы, готовая затуманить и развратить тысячи умовъ въ литературѣ, разладъ и ослаб-

леніе самыхъ кровныхъ связей въ семьѣ, и почти совершенное отсутствіе связей общественныхъ, недостатокъ взаимнаго сочувствія, довѣрія и уваженія, холодность и апатія къ интересамъ страны и народа! Кто скажетъ, что эти страшныя нравственныя болѣзни чужды нашему общественному организму? И нечего жаловаться на нихъ и нечего надѣяться исправить ихъ какиминибудь внѣшними средствами, пока будетъ оставляться безъ вниманія самый корень этихъ болѣзней, пока у насъ не перестанутъ думать, что можно весь вѣкъ прожить отлично, и великія услуги обществу оказать, и приобрести всеобщее уваженіе, нисколько не заботясь о нравственности. Общество какъ будто или вовсе не задается самымъ вопросомъ о томъ что такое нравственность, или если и создаетъ себѣ извѣстные нравственные идеалы и требованія, то самые произвольные, до крайности ограниченные, нерѣдко вовсе превратные, и потому до крайности разнообразныя и измѣнчивыя, смотря по духу времени и характеру кружка, въ которомъ таковыя идеалы и требованія создаются. Тамъ нравственностью называютъ умѣнье прилично вести себя внѣшнимъ образомъ,—прилично ходить, сидѣть, кланяться, говорить и т. п.; въ другомъ мѣстѣ—современное нравственное требованіе, наоборотъ, эмансипація отъ всякихъ приличій, полнѣйшая безцеремонность и оригинальность въ одеждѣ, разговорѣ, образѣ жизни и т. п. Тамъ выше всего цѣнятся лицемѣріе и ханжество, а здѣсь вольномысліе и небрежность ко всему святому; тамъ больше всего поощряютъ безсловесность и рабскую покорность, здѣсь великимъ нравственнымъ подвигомъ считается всякая грубость и дерзость, особенно предъ высшими себя. Въ такъ называемомъ общественномъ мнѣніи опоры для прегражденія вредныхъ безнравственныхъ вліяній нельзя найти никакой. Оно большею частью остается равнодушнымъ къ самымъ возмутительнымъ и вреднымъ явленіямъ

общественной нравственности, — иногда какъ будто вооружается грознымъ приговоромъ противъ общественныхъ пороковъ; но въ какую сторону направляется эта гроза общественнаго приговора, почему только въ ту, а не во многія другія, болѣе значительныя — это совершенно зависитъ отъ какой-нибудь случайности, или отъ внѣшнихъ обстоятельствъ: поэтому-то такъ часто и измѣняются требованія и приговоры общественнаго мнѣнія. Вчера оно съ беспощадною строгостью карало всякое необычное проявленіе самостоятельности и умственной силы, преимущественно въ молодомъ возрастѣ, а сегодня рукоплещетъ всякимъ проявленіямъ уже не самостоятельности, а просто проявленіямъ своеволия, и боится сказать правдивое слово такъ называемому молодому поколѣнію. Вчера оно подавляло своимъ презрѣніемъ увлеченіе и соблазнъ въ слабой женщинѣ, (поощряя впрочемъ своимъ потворствомъ а иногда и похвалами грубый, грязный и холодно-разсчитанный развратъ мужчины, поставляющаго своею спеціальностью обольщенія и побѣды извѣстнаго рода); сегодня же общественное мнѣніе съ полнѣйшимъ равнодушіемъ слушаетъ и похваливаетъ за бойкость рѣчи новыя теоріи о томъ, что бракъ есть предрасудокъ, дѣвическая стыдливость и невинность — глупость, воздержаніе отъ страстей — грѣхъ противъ природы, семейныя связи — деспотизмъ и т. д. Вчера общественное мнѣніе съ неимовѣрнымъ усердіемъ ратовало противъ взяточниковъ (конечно только на словахъ, на дѣлѣ взяточники всегда могли пользоваться почетомъ и всѣми выгодами общественнаго положенія), — сегодня же оно чутъ само не начинаетъ опять склоняться къ тому мнѣнію, что безъ взяточниковъ общество существовать не можетъ, и возставать противъ нихъ — одно вольнодумство. Даже не вчера и не сегодня, а тутъ же въ одно время и въ одномъ мѣстѣ — въ одномъ извѣстномъ нравственномъ свойствѣ подвергается приговору, а въ дру-

гомъ оно поощряется; напр. осуждается какъ низость всякое, даже и на разумныхъ основаніяхъ допускаемое, сознательное признаніе авторитетовъ—на словахъ,—и поощряется какъ мягкодушіе и любезность, самое униженное прислуживанье передъ милостивцами—на дѣлѣ;—подвергаются осмѣянію и возбуждаютъ отвращеніе, какъ признакъ варварства, всякія проявленія грубости и дерзости на сходкахъ крестьянскихъ,—и вызываютъ въ иныхъ образованныхъ людяхъ тайное, а въ иныхъ и явное сочувствіе и удивленіе подобныя же явленія въ самой высокой сферѣ общественной жизни—въ литературѣ. Наконецъ, къ довершенію всего, безнравственность возводится въ принципъ, оправдывается цѣлымъ строемъ нарочно придуманныхъ для того фальшивыхъ философскихъ теорій. Отвергаются вѣчныя, св. вѣроу заповѣданныя, разумомъ и вѣчнымъ опытомъ оправданныя, начала нравственности, т. е. начала любви и самоотверженія. И на мѣсто того проповѣдуется эгоизмъ, какъ единственный двигатель, какъ живое начало всякой дѣятельности личной и общественной (а дабы открытая теорія эгоизма сама по себѣ не отталкивала своею явною нелѣпостью и безобразіемъ, проповѣдники этой теоріи стараются маскировать ее, объясняя слово «эгоизмъ» въ новомъ, ни для кого непривычномъ смыслѣ, приписывая ему вовсе несродныя, отъ тѣхъ же отверженныхъ началъ любви и самоотверженія заимствованныя черты, дабы путаницею словъ спутать самыя понятія въ обществѣ, и съ большимъ удобствомъ пролить въ души доврчивыхъ людей ядъ въ подслащенномъ видѣ). Преклоняются съ благоговѣніемъ, какъ предъ великимъ философскимъ открытіемъ, предъ парадоксальною мыслью иноземнаго писателя, что нравственного прогресса въ обществѣ нѣтъ и не должно быть, что благосостояніе обществъ единственно зависитъ отъ одного умственного прогресса (накопленія знаній) и матеріальнаго (накопленія богатствъ).

Такъ ли оно на самомъ дѣлѣ?... Да, вліяніе нравственныхъ силъ на общественное благосостояніе не такъ замѣтно, какъ вліяніе знаній и матеріальнаго довольства, потому что оно распространяется болѣе сокровеннымъ путемъ и касается не однихъ внѣшнихъ (часто обманчивыхъ) сторонъ общественнаго благосостоянія, а самой его внутренней основы. Конечно, и самой суммы нравственныхъ силъ въ обществѣ нельзя вымѣрять аршиномъ, вывѣсить фунтами, вычислить статистически съ такою же точностью, или по крайней мѣрѣ приблизительною вѣроятностью, какъ опредѣляется въ статистикѣ количество народнаго богатства, или количество грамотныхъ людей, учебныхъ заведеній и печатныхъ книжекъ, выходящихъ въ извѣстномъ году въ извѣстномъ государствѣ (что впрочемъ еще не всегда служитъ вѣрнымъ показателемъ самаго умственнаго прогресса въ обществѣ). Поэтому-то, естественно, вліяніе нравственныхъ силъ въ обществѣ остается незамѣтнымъ для такихъ мудрецовъ нынѣшняго вѣка, которые на все смотрятъ съ грубо-матеріальной точки зрѣнія, которые привыкли все мѣрять на аршинъ, вѣсить на фунты. Но вѣрьте неложному слову, что *спымя святое есть стояніе міра*, т. е., что истинная нравственность есть самая коренная, самая глубокая основа благосостоянія не только отдѣльных обществъ, но и цѣлаго человѣчества. Вѣрьте старой, въ старыхъ плохихъ учебникахъ часто повторявшейся, а въ новыхъ лучшихъ къ сожалѣнію рѣдко встрѣчающейся истинѣ, что только добродѣтелями возвышаются, поддерживаются и процвѣтаютъ общества и государства, а упадокъ нравственный всегда служитъ въ нихъ источникомъ и предвѣстіемъ самаго политическаго паденія. Какъ это бываетъ, непонятно развѣ не желающему понимать. Развѣ же въ самомъ дѣлѣ для общества все равно—будемъ ли мы привязаны къ своей родинѣ только потому, что здѣсь наши дома, имущества, и здѣсь намъ жалованье даютъ

или—по искренней любви къ отечеству, въ живомъ сознаниі тѣхъ нравственныхъ связей съ нимъ, которыя, можно сказать, со всѣхъ сторонъ обхватываютъ нашу жизнь? Развѣ для общества все равно, будемъ ли мы участвовать въ его интересахъ настолько, насколько они касаются нашего кармана, или наоборотъ, готовы будемъ въ случаѣ нужды жертвовать своими личными интересами для блага общественнаго? Развѣ для общества все равно, что мы не будемъ обманывать другъ друга, воровать, убивать только въ такихъ случаяхъ, когда это неудобно сдѣлать, когда чрезъ это можетъ выйти вредъ для насъ же самихъ, когда грозить страхъ полиціи и отвѣтственность предъ закономъ или же, что мы будемъ отвращаться всѣхъ подобныхъ преступленій по своему нравственному чувству? Развѣ для общества все равно—будутъ ли распространены между его членами добрыя, простые и строгіе нравы, или роскошь, чувственность, развратъ, изнѣженность, слабодушіе видимымъ образомъ нравственно и физически растлѣвающія и убивающія общество? Развѣ для общества все равно—будутъ ли въ семьяхъ отношенія между мужемъ и женой основываться на однихъ случайныхъ увлеченіяхъ чувственности и расчетахъ корысти, и отношенія между родителями и дѣтьми на внѣшнихъ строго опредѣленныхъ гражданскихъ постановленіяхъ,—или на высокомъ сознаниі святости семейнаго союза, благословляемаго самимъ Господомъ, на нравственныхъ началахъ взаимной любви, взаимнаго уваженія, взаимнаго снисхожденія и т. д. Развѣ для общества все равно—будемъ ли мы исполнять въ немъ свои обязанности, я—священническія, вы—офицерскія, онъ—чиновническія только потому, что какъ будто какая-то судьба меня сдѣлала священникомъ, васъ—офицерами, его—чиновникомъ, и насъ здѣсь поятъ и кормятъ, а больше намъ дѣться некуда, по недостатку подготовки къ другимъ занятіямъ, или каждый изъ насъ будетъ исполнять свои

обязанности по любви къ своему дѣлу, по высокому сознанию святости и важности его въ великомъ дѣлѣ общественномъ? Такъ, мы говоримъ, только уму, извращенному ложными теоріями, до фанатизма предубѣжденному противъ истины, на каждомъ шагу свидѣтельствуемой жизнью, можно не понять, какое вліяніе имѣетъ нравственность на благосостояніе обществъ. Она воистину есть глубочайшая основа самаго существованія и крѣпости ихъ, и никакое накопленіе богатствъ, даже никакое накопленіе знаній, не спасетъ общество отъ гибели тамъ, гдѣ между членами общества будутъ распространены роскошь, чувственность, развратъ, лѣнь, изнѣженность, взаимное недоувѣріе, эгоизмъ, жесткость сердечная, холодность къ родинѣ, апатія къ интересамъ общественнымъ, наконецъ, какъ корень всякаго зла, недостатокъ прочныхъ убѣжденій и отсутствіе страха Божія въ совѣсти и сердцѣ.—Поэтому нельзя отдѣлять дѣла общественнаго отъ дѣла нравственнаго,—и всякому вступающему на поприще общественной дѣятельности, прежде всего нужно спросить себя, нравственный ли онъ человѣкъ. Всякому, желающему послужить обществу, прежде всего нужно дать обществу въ себѣ самомъ хорошаго члена. Всякому, ревнующему о прогрессѣ—усовершенствованіи общества, должно начать нравственное усовершенствованіе съ себя самого. Здѣсь нужно строгое самоиспытаніе, искреннее стремленіе къ нравственному совершенству, твердая рѣшимость на подвигъ и борьбу. У насъ наоборотъ бываетъ. У насъ иной готовъ все общество, все человѣчество преобразовать, тысячи людей уму и нравственности научить, только о собственномъ исправленіи никогда не думаетъ, съ одною какою-нибудь мелкою страстью или привычкой въ себѣ самомъ—поборотъся у него рѣшимости нѣтъ. Стремленіе къ нравственному совершенствованію, личный подвигъ, борьба съ собою—для нашего времени непривычныя слова!

Не удивительно, что въ наше время распространяется и имѣеть успѣхъ грубое ученіе, что въ человѣкѣ свободы нѣтъ, борьба съ самимъ собой и личное усовершенствованіе—невозможны,—человѣкъ во всей своей жизни и дѣятельности—игрушка внѣшнихъ вліяній. Не удивительно, мы говоримъ, что этому ученію вѣрятъ тамъ, гдѣ какъ будто на самомъ дѣлѣ живетъ только по вліянію внѣшнихъ обстоятельствъ, гдѣ о нравственномъ усовершенствованіи, о личномъ подвигѣ, о борьбѣ съ собою и помину нѣтъ. Но пора же наконецъ пробудиться отъ такого усыпленія и разслабленія нравственнаго, угрожающаго крайнимъ измелчаніемъ характеровъ и утратой всякихъ личныхъ доблестей въ обществѣ. Пора признать, что всѣ наши фразы о благѣ общественномъ ни на шагъ не подвинуть общества на пути истиннаго прогресса, пока мы будемъ оставлять безъ вниманія свое личное нравственное благо. Не спрашивайте, какимъ образомъ каждый изъ насъ могъ бы принести пользу обществу своими личными подвигами и добродѣтелями, своимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ. Нравственное вліяніе распространяется въ обществѣ, какъ мы уже говорили, путемъ не столько явнымъ, какъ распространяется напримѣръ знаніе, или богатство; способа его распространенія нельзя объяснить какъ-нибудь механически; но тѣмъ не менѣе оно есть фактъ несомнѣнный, добрый нравственный человѣкъ уже тѣмъ однимъ приноситъ пользу обществу, что живетъ въ обществѣ. Кругомъ него на всѣхъ, имѣющихъ къ нему болѣе, или менѣе близкія отношенія, распространяется вліяніе добрыхъ понятій, добрыхъ чувствъ, добрыхъ привычекъ,—и трудно сказать, гдѣ будетъ предѣлъ распространенію этаго добраго вліянія. Жизнь человѣка нравственнаго въ обществѣ способствуетъ возвышенію строя общественной нравственности, очищенію—такъ сказать—самой нравственной атмосферы общества. Всякое общество имѣеть свой нравственный строй, свою нравствен-

ную атмосферу; смотря по качеству этой атмосферы, одно общество называютъ безнравственнымъ, другое—болѣе нравственнымъ. Эта атмосфера имѣетъ такое же сильное вліяніе на понятія и нравы отдѣльныхъ членовъ общества, какъ сильно воздушная атмосфера вліяетъ на здоровье и физическое благосостояніе людей, живущихъ въ ней. Но и сама эта нравственная атмосфера не откуда-нибудь извнѣ посылается въ общество, а образуется подѣ условіемъ нравственныхъ членовъ общества. Общественная нравственность есть—такъ сказать—сумма, или средній показатель нравственности отдѣльныхъ личностей, составляющихъ общество. Сюда каждый изъ членовъ общества незамѣтно вводитъ струю своего вліянія, чистую и здоровую—хорошій нравственный человѣкъ, гнилую и вредную—человѣкъ дурной, безнравственный. Поэтому не безразличное дѣло для блага общественнаго—будетъ ли каждый изъ насъ нравственнымъ, или безнравственнымъ человѣкомъ. Всякій дурной поступокъ нашъ, всякая грубая склонность и привычка вноситъ растлѣніе и ядъ въ жизнь общественную, и всякій личный подвигъ, всякій шагъ на пути нравственнаго усовершенствованія, всякая, по видимому незначительная, ни для кого незамѣтная, побѣда надъ какою-нибудь дурною склонностью и привычкою не остается безъ добрыхъ результатовъ для цѣлаго общества. Это особенно должно внушать намъ осторожность въ помыслахъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ и поощрять на подвигъ нравственнаго усовершенствованія.

Но гдѣ же взять идеалы для проясненія и утвержденія своихъ нравственныхъ понятій? Гдѣ найти силы на подвигъ и борьбу? Гдѣ путь къ нравственному усовершенствованію? Вотъ, наконецъ мы дошли до того, что главнѣйшимъ образомъ нужно нашему обществу для успѣха всѣхъ его добрыхъ начинаній и стремленій, и каждому изъ насъ для нашего личнаго усовершенствованія. *Азъ*

есть путь, истина и жизнь, сказалъ Божественный Основатель нашей святой вѣры, и скорѣе небо и земля прейдутъ, чѣмъ утратятъ свое значеніе эти божественныя слова. Послѣ этаго нечего спрашивать, гдѣ намъ искать образцовъ, силъ и средствъ для нравственнаго усовершенствованія. Намъ рожденнымъ, воспитаннымъ и живущимъ въ христіанствѣ, святая религія христіанская кажется не должна быть такъ чужда, чтобы не знать, какое великое сокровище нравственное мы въ ней имѣемъ. Живымъ союзомъ вѣры и любви соединяя души людей съ источникомъ всего истиннаго, добраго и святаго, святая религія христіанская проливаетъ свѣтъ истины, добра и правды во всѣ сферы человѣческой жизни и дѣятельности, и не только представляетъ высокія правила и образцы нравственнаго совершенства, но и даетъ самыя благодатныя силы къ осуществленію ихъ, къ борьбѣ съ собою, къ побѣдѣ надъ злыми навыками и страстями. Читайте Евангеліе, читайте внимательнѣе Св. Писаніе—глубже вникайте въ духъ и смыслъ его—не однимъ умомъ, а живымъ участіемъ всѣхъ духовныхъ силъ, и вы найдете здѣсь полноту безконечно-высокихъ нравственныхъ идеаловъ и живое воплощеніе всѣхъ ихъ въ божественной личности нашего Искупителя. Читайте исторію Церкви, читайте жизнеописанія святыхъ людей,—и здѣсь вы увидите множество примѣровъ тому, какъ святая христіанская вѣра, при самыхъ неблагопріятныхъ нравственныхъ условіяхъ окружающей среды, среди самаго глубокаго невѣжества и разврата общественнаго, умѣла всегда воспитывать и возвышать до невѣроятной почти для человѣка естественнаго нравственной высоты цѣлыя тысячи людей различныхъ половъ, возрастовъ и состояній общественныхъ; увидите, какъ цѣлыя народы изъ состоянія грубаго и дикаго возвышены христіанствомъ на высокую степень прогресса и цивилизаціи до того, что теперь самое понятіе

о народѣ цивилизованномъ почти всегда соединено у насъ съ понятіемъ о народѣ просвѣщенномъ христіанствомъ; увидите, какъ въ цѣломъ челоѣчествѣ во всей его исторіи самый строй нравственныхъ понятій и отношеній видимымъ образомъ измѣнялся, возвышался, облагороживался по мѣрѣ того, какъ христіанскія начала проникали въ жизнь челоѣчества. Всматривайтесь внимательнѣе въ жизнь хорошихъ добрыхъ христіанскихъ семействъ и личностей, — только не лицемѣрно и не суевѣрно христіанскихъ, а такихъ, въ которыхъ святая вѣра служитъ не однимъ внѣшнимъ покровомъ, а глубокою основой и дѣятельнымъ началомъ всей жизни, въ которыхъ теплота религіознаго чувства соединяется съ твердымъ разумнымъ пониманіемъ самыхъ христіанскихъ отношеній, — замѣчайте, чѣмъ различается жизнь такихъ людей отъ другихъ, которые живутъ не по духу Христову, и вы увидите, что христіанская вѣра не престаётъ и въ настоящее время дѣйствовать благотворно на души и сердца людей, въ томъ же самомъ обществѣ, при тѣхъ же самыхъ нравственныхъ условіяхъ, проводя глубокое различіе между чадами міра и чадами Христовыми. Наконецъ держитесь, сколько возможно ближе, общенія съ св. Церковію, пользуйтесь обильнѣе и чистосердечнѣе тѣми благотворными средствами нравственнаго преуспѣянія, которыя предлагаетъ она въ своемъ ученіи, въ своемъ богослуженіи, преимущественно въ св. таинствахъ, — и вы въ себѣ самихъ, въ своей собственной жизни, увидите благодатную силу Божию, поборающую нравственныя немощи челоѣческія. Такъ недалеко отъ насъ полный глубокий источникъ нравственной жизни, изъ котораго каждый можетъ черпать въ свою пользу, сколько захочетъ! Къ сожалѣнію, почти всегда большинство людей старается какбудто нарочно, подъ разными предлогами, обходить этотъ живоносный и неизсягаемый источникъ, и искать удовлетворенія и оживленія своимъ нравственнымъ силамъ въ какихъ-нибудь другихъ мелкихъ и мутныхъ, иногда даже и за-

разительныхъ кладенцахъ самодѣльныхъ человѣческихъ мудрованій. Не удивительно, что сила зла, такъ глубоко вошедшая въ природу человѣка, и имѣющая такую власть надъ нимъ, всячески отвращаетъ человѣка отъ свѣта и добра подъ разными благовидными и неблаговидными предлогами. Самый общеупотребительный въ такихъ случаяхъ предлогъ, которымъ лѣность наша прикрываетъ уклоненіе отъ пути христіанской жизни, есть высота, трудность, недостижимость христіанскаго идеала. Но въ томъ конечно и высокое достоинство этаго идеала для людей всѣхъ нравственныхъ состояній, для человѣчества всѣхъ вѣковъ и всѣхъ ступеней развитія, что высоко стоитъ этотъ идеалъ надъ жизнью, и на неизмѣримую нравственную высоту онъ поднимаетъ съ собою жизнь человѣческую, и нѣтъ конца восхожденіямъ отъ силы въ силу для человѣка, располагающаго свою жизнь по этому идеалу. А съ другой стороны, въ христіанствѣ не налагаются на человѣка непосильныя требованія, не требуется отъ него сразу—исполненіе всѣхъ заповѣдей и добродѣтелей закона христіанскаго, но съ любовью пріемлется каждый незамѣтный шагъ, всякое малѣйшее усиліе на пути нравственнаго совершенства. Здѣсь и малая лепта бѣдной вдовицы, отъ усердія влагаемая въ сокровищницу Церкви, цѣнится не ниже богатствъ многоцѣнныхъ. Здѣсь и чаша студеной воды, подаваемая жаждущему во имя Христова, даетъ мзду въ царствіи небесномъ. Въ наши времена пытались представить другой предлогъ для оправданія уклоненій человѣческой воли отъ нравственнаго закона Христова. Мудрецы вѣка нашли, что христіанское ученіе несообразно съ человѣческою природою, что нравственныя требованія христіанства устарѣли, что для современно-развитаго человѣчества нужны новыя нравственныя понятія, новые идеалы. Не ограничиваясь словами, пытались, говорятъ, на дѣлѣ самыя формы нравственной христіанской жизни, какъ на примѣръ

бракъ, или проявленія ея выражающія чистую добровольную христіанскую благотворительность, замѣнить по своимъ понятіямъ, новыми, то слишкомъ свободными, то слишкомъ принудительными и деспотическими формами. Но гнилые и горькіе плоды подобныхъ попытокъ въ самое короткое время дали обществу почувствовать, какими гибельными результатами должно сопровождаться такое сознательное намѣренное уклоненіе отъ христіанскаго нравственнаго идеала. Что же? Убѣдилось ли общество въ томъ, что внѣ христіанской религіи не можетъ быть истинной и крѣпкой нравственности, а слѣдовательно и самаго глубокаго залога общественной крѣпости, общественнаго развитія? Убѣдилось ли общество въ томъ, что религія христіанская поэтому должна быть положена въ основу всѣхъ реформаторскихъ попытокъ, всѣхъ прогрессивныхъ стремленій, всей общественной дѣятельности? Съ глубокою скорбію мы должны сказать, что для большей части нашего общества (мы разумѣемъ здѣсь не простой народъ, а главнымъ образомъ наше высшее, цивилизованное, просвѣщенное общество) религія составляетъ не глубокую основу жизни и дѣятельности, а только одно внѣшнее *decorum*, отъ котораго, пожалуй, инымъ было бы пріятно, но только кажется неприлично и опасно, совсѣмъ избавиться. И если выше мы справедливо говорили о томъ, что у насъ слишкомъ мало думаютъ о нравственности, какъ глубочайшей основѣ общественнаго благосостоянія и прогресса, то тѣмъ съ большею справедливостью мы можемъ сказать здѣсь это о религіи. Между прогрессомъ общественнымъ и религіей еще рѣшительнѣе, чѣмъ между общественнымъ и нравственнымъ дѣломъ, у насъ не признаютъ ничего общаго. Вотъ теперь, въ эпоху прогрессивныхъ стремленій и кипучихъ реформъ въ обществѣ, многимъ ли приходило на мысль, что напереді всѣхъ возможныхъ реформъ должна идти забота о томъ, чтобы дать религіи больше значенія

въ жизни народной, способствовать очищенію и возвышенію религіознаго пониманія и чувства въ простомъ народѣ, а еще болѣе въ такъ-называемомъ цивилизованномъ обществѣ, въ большинствѣ своихъ членовъ доходящемъ до крайней степени растлѣнія религіознаго пониманія и чувства? Да увѣнчаетъ Господь желаемымъ успѣхомъ усилія тѣхъ немногихъ личностей, которыя прилагаютъ свою душу къ къ этому святому дѣлу; но большинство общества, искренно сказать, и до сихъ поръ объ этомъ почти вовсе не думаетъ; а есть и такіе люди, которые, отдѣливъ для религіи извѣстный уголокъ въ душѣ и жизни, и всячески стараясь сдѣлать этотъ уголокъ какъ можно меньшимъ, какъ будто даже боятся, какъ бы религія не перешла далѣе назначенныхъ ей границъ и не простерла своего вліянія на такія сферы жизни и дѣятельности, въ которыхъ признается ненужнымъ, даже опаснымъ вліяніе религіи. Иные какъ будто думаютъ, что возвышеніе значенія религіи въ частной и общественной жизни не только не будетъ полезно, но будетъ даже вредно. И это не какіе—нибудь отъявленные радикалы—безбожники, нигилисты,—нѣтъ, иные почтенные отцы семействъ, патентованные учителя и воспитатели юношества, руководители общественнаго сознанія въ наукѣ и литературѣ,—многіе такъ-называемые благонамѣренные и даже по своему—религіозные люди, съ отвращеніемъ и ужасомъ говорящіе о всеотрицающемъ нигилизмѣ, не подозрѣвая того, что этотъ ужасный нигилизмъ есть не что иное, какъ родное чадо, логическій результатъ ихъ фальшивой благонамѣренности и религіозности, извѣстную недѣлю года отбывающей всѣ свои религіозныя повинности, а потомъ все остальное время потѣшающей себя легкими шутками на счетъ религіи. Что же опаснаго предполагаютъ подобные люди въ распространеніи религіознаго вліянія на общество?... Боятся они распространенія въ обществѣ вакихъ-нибудь клерикальныхъ

іезуитскихъ тенденцій, подобныхъ тѣмъ, которыя мѣшали общественному прогрессу въ католическихъ странахъ западной Европы? Но не говоря уже о томъ, что наша православная Церковь еще не подавала повода заподозривать себя въ какихъ-либо вредныхъ, систематически организованныхъ клерикальныхъ или іезуитскихъ тенденціяхъ,— нужно по крайней мѣрѣ дѣлать различіе между іезуитствомъ и истинною христіанскою религіею. Боритесь, если находите нужнымъ, съ проявленіями клерикальныхъ и іезуитскихъ тенденцій въ обществѣ, но изъ-за этаго не лишайте же вовсе общества благотворнаго религіознаго вліянія. Или мы, неувѣренные еще въ своемъ умѣнши твердо идти путемъ прогресса, боимся опять воротиться къ тому общественному коснѣнію, въ которомъ, говорятъ, держало древнюю Русь исключительное религіозное вліяніе? Но, по совѣсти, нужно выражаться правильнѣе, не само по себѣ религіозное вліяніе, а исключительный характеръ его, по которому религія и въ древне-русской жизни въ послѣдніе періоды ея стояла только какъ внѣшнее *desoign*, а не проникала въ нравственную жизнь народа, всего же болѣе недостатокъ просвѣщенія, обуславливаемый многими печальными историческими обстоятельствами,— вотъ что привело нашу древнюю Русь къ застою и коснѣнію (если ужъ безъ всякаго спора допустить, что нашъ летучій прогрессъ послѣднихъ вѣковъ безконечно выше коснѣнія древней Руси). Напротивъ, можетъ быть именно только вліянію религіи— чуть ли не единственной стихіи, оживлявшей древне-русскую жизнь,—наши предки обязаны тѣмъ, что не обратились совсѣмъ въ грубый одичалый народъ, при недостаткѣ просвѣщенія, при разобщенности со всѣми цивилизованными народами, при тяжкихъ историческихъ испытаніяхъ длившихся въ продолженіе многихъ вѣковъ. Наконецъ, можетъ быть, иные просто боятся того, какъ бы съ распространеніемъ религіознаго вліянія въ обществѣ не уве-

личилось число ханжей и лицемѣровъ. Да, хорошъ религіозный и нравственный строй общества, гдѣ о религіи нельзя подуматъ безъ того, чтобы не придти къ мысли о ханжествѣ и лицемѣрїи,—гдѣ и на самомъ дѣлѣ и человѣкъ истинно религіозный, и ханжа, и лицемѣръ подводятся подъ одинъ разрядъ людей лишнїихъ и вредныхъ для общества... Что же? Пусть, гдѣ угодно, дѣлаютъ новыя попытки благоустройства общественнаго, помимо вліянія религіи; но пусть знаютъ, по крайней мѣрѣ, что рядъ этихъ попытокъ можетъ тянуться въ безконечность, и съ каждымъ годомъ можно всѣ старыя постройки перестраивать на новый ладъ,—и никогда не будетъ прочнаго успѣха въ работѣ, если не будетъ положено твердаго основанія общественному зданію. *А основанія инаго никто не можетъ положить, кромѣ положеннаго, которое есть І. Христосъ* (1 Кор. 3. 11.) Помимо вліянія религіи, не можетъ быть въ обществѣ доброй нравственности, а слѣдовательно и прочнаго блага общественнаго. Для того, чтобы быть нравственнымъ, нужно прежде всего имѣть прочныя нравственныя убѣжденія, какъ твердую и постоянную опору дѣятельности. Но нравственныя понятія и убѣжденія не зараждаются въ обществѣ сами изъ ничего; это только люди, не имѣющіе яснаго сознанія о сохраненіи своей собственной головы, способны такъ думать, что нравственныя понятія, которыми они и ихъ знакомые руководятся въ жизни, такъ сами собою неизвѣстно откуда берутся. Нравственныя понятія даются обществу или положительною религіею, или самодѣтельнымъ исканіемъ развитыхъ умовъ, т. е. философїею. Но что касается до философїи, то не говоря уже о томъ, что въ нашемъ обществѣ она едва извѣстна только по имени, она никогда и не можетъ дать прочныхъ нравственныхъ основъ для жизни цѣлаго народа—уже потому, что сама нуждается въ прочныхъ основахъ,—и потомъ по самой произвольности,

постоянной измѣнчивости, отвлеченности отъ жизни,—на-
 конецъ по узкому, что называется субъективному харак-
 теру своихъ нравственныхъ теорій. Откуда же послѣ этаго
 общество будетъ брать нравственныя понятія и убѣжденія,
 безъ которыхъ, какъ безъ хлѣба насущнаго, оно не можетъ
 и одного дня просуществовать, если оно всячески будетъ
 стараться избѣгать вліянія религіи? Не имѣя ничего соб-
 ственнаго, постоянно прислушиваться къ отголоскамъ
 чужихъ нравственныхъ мнѣній, слѣдовать то тому, то другому
 изъ нихъ безъ разумнаго основанія, мѣнять ихъ чуть не
 съ каждымъ днемъ,—такъ живетъ наше общество вотъ
 уже много десятковъ лѣтъ; но вѣдь, наконецъ, весь вѣкъ
 жить чужимъ умомъ постыдно, да и невозможно; и при
 такихъ условіяхъ нечего и думать серьезно объ обще-
 ственномъ прогрессѣ,—можно только играть въ прогрессъ.
 Пора же наконецъ придти въ себя, и начать жить сво-
 имъ умомъ. Пора обратиться къ тѣмъ великимъ и неиз-
 сякаемо-глубокимъ сокровищамъ нравственной жизни, ко-
 торыя заключаются въ нашей святой христіанской вѣрѣ.
 Только тогда, когда она утвердится въ основаніе всякаго об-
 щественнаго прогресса, будетъ у насъ истинный и прочный
 прогрессъ. «Блаженъ человекъ, утверждающій свою жизнь
 на ученіи Христовомъ. Онъ подобенъ, по словамъ самаго
 Господа, мужу мудрому, который построилъ домъ свой на
 камнѣ; и пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры
 и устремились на домъ тотъ; и онъ не упалъ, потому что
 былъ основанъ на камнѣ. А человекъ, ищущій нравствен-
 ныхъ основъ жизни внѣ Христова ученія, подобенъ мужу
 безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ. И
 пошелъ дождь и разлились рѣки, и подули вѣтры, и на-
 легли на домъ тотъ; и онъ упалъ и было паденіе его ве-
 ликое (Мѣ. VII. 24—27).»

Этимъ я закончу свою послѣднюю бесѣду съ вами.
 Не осудите меня за то, если въ моихъ словахъ что-либо

показалось вамъ слишкомъ рѣзкимъ. Конечно, я не хотѣлъ быть намѣренно рѣзкимъ, и особенно въ послѣдней бесѣдѣ; рѣзкость сужденій вѣрно вызывалась самымъ предметомъ ихъ, о которомъ хотѣлось поговорить искренно,—а искренность слова не требуетъ извиненій между людьми, знающими другъ друга. И не думайте принимать только на свой счетъ того, что было рѣзкаго въ моихъ словахъ. Нѣтъ, оно относится не къ вамъ однимъ, и вообще не къ молодому только поколѣнью,—но можетъ быть еще болѣе къ намъ,—къ поколѣнιάмъ старшимъ. Но мы, люди старшихъ поколѣній, уже болѣе испытанные и можетъ быть значительно испорченные жизнью, желали бы по крайней мѣрѣ въ васъ, наша надежда—младшія поколѣнія, не видѣть тѣхъ болѣзней, какими болѣли и болѣемъ мы сами, чтобы вы были лучшими людьми и достойнѣйшими дѣятелями общественными, чѣмъ мы. Жатва многа, дѣлателей мало; будемъ молить Господина жатвы, чтобъ Онъ въ новыхъ поколѣнιάхъ послалъ достойныхъ дѣлателей на жатву Свою!

Свящ. А. Иванцовъ-Платоновъ.

14 Августа 1865 года.

ИЗВѢСТІЯ.

Торжество освященія соборнаго храма во имя Божіей Матери Боголюбовскія, въ Боголюбовомъ Монастырѣ. Въ пятницу 20 Мая въ Боголюбовомъ монастырѣ Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Теофаномъ, Епископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ совершено было торжественное освященіе ново-устроеннаго храма въ честь Боголюбовскія Божіей Матери. Громадный и величественный храмъ этотъ строился болѣе десяти лѣтъ и въ настоящую пору

составляетъ, безъ сомнѣнія, лучшее украшеніе всѣмъ извѣстнаго, древняго монастыря. Правда, многого требуетъ еще онъ для внутренняго своего благоукрашенія, сообразно внутреннему своему величію, но мы увѣрены, что читатели и богомольцы Боголюбовскаго монастыря, доселѣ такъ охотно приносившіе свои жертвы на устройство храма, не оставятъ его и безъ благообразнаго внутренняго украшенія. Устройство храма по началу своему принадлежитъ христіанскому усердію московской почетной гражданки Анны Герасимовны Алексѣевой съ сыновьями. Усердіемъ ея же и другихъ лицъ изъ московскаго, владимірскаго, шуйскаго и ивановскаго купечества онъ приведенъ и къ окончанію. Что же касается попеченія и трудовъ при постройкѣ храма, то ихъ болѣе всѣхъ положилъ блаженной памяти о. Серафимъ, монахъ Боголюбова монастыря (').

20 Мая, день освященія храма, избранъ былъ о. Архимандритомъ Даниломъ, какъ нельзя удачнѣе. Ежегодно и обыкновенно къ этому дню выноса иконы Божіей Матери Боголюбовскія изъ монастыря въ г. Владиміръ собирается множество богомольцевъ со всѣхъ сторонъ не только нашей, но и смѣжныхъ губерній; но нынѣ, заранѣе опубликованное извѣстіе объ освященіи храма собрало гораздо большее, сравнительно съ прежними годами, количество народа. Кромѣ того, на торжество освященія

(') Редакція Епарх. Вѣдомостей намѣрена составить жизнеописаніе истиннаго подвижника—о. Серафима, такъ много почитаемаго не только въ нашей, но и въ другихъ мѣстностяхъ. Для полноты біографіи она усерднѣе проситъ вѣсхъ почитателей о. Серафима сообщить въ редакцію болѣе важныя и несомнѣнно вѣрныя свѣденія и обстоятельства изъ его жизни. Особенно благодарна была бы Редакція за доставленіе писемъ покойнаго подвижника, которыя по минованіи надобности будутъ возвращены съ благодарностію.

о. Архимандритомъ приглашены были Начальникъ губерніи и другія высшія городскія власти, а также избранное городское духовенство и купечество. Освященіе храма, литургія въ немъ и молебствіе Боголюбивой Божіей Матери окончены были Его Преосвященствомъ ко 2-му часу по полудни. По доброму христіанскому обычаю, настоятелемъ монастыря предложенъ былъ гостямъ радушный обѣдъ, а всему народу выдавался хлѣбъ и квасъ, и въ 5 часу вечера, по обычаю, торжественно, съ крестнымъ ходомъ, самимъ Преосвященнѣйшимъ св. Икона Боголюбовскія Божіей Матери препровождена въ село Доброе, на пути во Владимірѣ.

— **21 Мая во Владимірѣ.** Еще наканунѣ нашъ городъ приготовился къ празднику принятія св. иконы Боголюбовскія Божіей Матери. Сія икона написана по повелѣнію св. Князя Андрея Юрьевича Боголюбовскаго, послѣ бывшаго ему явленія Богоматери, и съ тѣхъ поръ всегда была особенно чтима. Посѣщавшій въ 1690 году Боголюбовъ монастырь Императоръ Петръ I повелѣлъ въ Петровскомъ Московскомъ Монастырѣ, надъ усыпальницею Нарышкиныхъ, воздвигнуть храмъ во имя Боголюбивой Божіей Матери, въ память великихъ чудесъ, отъ сей иконы бывшихъ, какъ сказано въ указѣ Императора. Съ 1771 года, когда и городъ Владимірѣ подвергся моровой язвѣ, древняя и чудотворная икона сдѣлалась еще болѣе извѣстною. Въ ужасное время моровой язвы владимірскіе граждане спѣшили принять къ себѣ чудотворный образъ. Мѣстное начальство, по настоянію одного лекаря—нѣмца, боявшагося, при большомъ стеченіи народа, сильнѣйшаго развитія заразы, не соглашалось на принятіе иконы въ городъ, но наконецъ усту-

пило общему, благочестивому желанію. Св. икона была внесена въ городъ, и изъ двухъ сотъ зараженныхъ язвою, умерло только три человѣка. «Боже мой, это — чудо!» воскликнулъ нѣмецъ—лекаръ, а граждане въ память чудеснаго избавленія отъ неизбѣжной гибели исходатайствовали дозволеніе ежегодно вносить икону въ городъ и въ 1772 году получили на это слѣдующій указъ:

«Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийскія, изъ духовной Преосвященнаго Иеронима, Епископа Владимірскаго и Муромскаго, Консисторіи, Катедральнаго Владимірскаго Успенскаго Собора Протопопу Іоанну Ѳедорову съ братією. Сего Мая 19 дня 1772 года въ сданномъ отъ Его Преосвященства въ Конситорию опредѣленіи написано: какъ-де въ прошломъ 1771 году въ исходѣ Сентября мѣсяца въ градѣ Владимірѣ оказалась опасная заразительная болѣзнь; то во время продолженія оной градскіе начальники и обыватели просили Его Преосвященство, чтобъ, ради умилоствленія всесильнаго и всемогущаго Бога, дабы оное праведное Его наказаніе отвращено было, принести изъ Боголюбвскаго монастыря образъ Божія Матери, нарицаемая Боголюбивыя. Его Преосвященство, смотря на важность тогда бывшихъ обстоятельствъ, разсудилъ по оной просьбѣ сдѣлать удовольствіе. Почему оной образъ Божія Матери и принесенъ былъ во Владимірѣ съ обыкновеннымъ крестнымъ хожденіемъ Октября 22 числа того 771 года; и съ того времени, бывши въ градѣ Ноября до послѣднихъ числъ, ношенъ, какъ въ имѣвшихся тогда крестныхъ хожденіяхъ, такъ и по желанію гражданъ, для отправленія предъ онымъ молебствія въ дома ихъ. А какъ бла-

годатию Божією помянутая опасная болѣзнь во Владимірѣ въ Ноябрь мѣсяцѣ тогожъ 771 года совсѣмъ прекратилась; то нынѣ градскіе жители съ общаго своего согласія представили Его Преосвященству, дабы оной образъ Божія Матери и въ каждой годъ, въ извѣстное время приношенъ былъ во Владиміръ, дабы вышеозначенное отъ милостиваго Бога оказанное благодѣяніе и въ послѣдующее время безъ забвенія свидѣтельствуемо было усерднымъ почтеніемъ и рабскою благодарностію. Таковыя гражданъ представленія Его Преосвященство находя справедливыми и богоугодными, опредѣлилъ: какъ нынѣ, такъ и въ послѣдующіе годы вышереченной образъ Божія Матери Боголюбивыя приносить въ градъ Владиміръ Маія 21, а обратно въ монастырь относить Іюня 17 числа съ крестымъ хожденіемъ и съ таковою церемонією, какъ вся нынѣ отправляема быть имѣеть; и о томъ въ Катедральный Успенскій соборъ и въ Боголюбовъ монастырь послать указы, и Катедральнаго Успенскаго собора протопопу Іоанну Федорову съ братією чинить о томъ по сему Ея Императорскаго Величества указу, и въ Боголюбовъ монастырь о томъ же указъ изъ Консисторіи посланъ.»

Указъ соборному протоіерею подписанъ Цареконстантиновскимъ Архимандритомъ Авраамомъ.

Съ этаго-то 1772 года и до сихъ поръ ежегодно приносится св. икона въ городъ 21 мая и находится здѣсь около мѣсяца—до 16 Іюня. Срѣтеніе ея и всегда совершается торжественно, — но нынѣ этому торжеству особенно благопріятствовала вполнѣ хорошая погода, такъ что, по припоминаніямъ пожилыхъ владимірцевъ, стеченіе народа на нынѣшній разъ было самое огромное — до 25 тысячъ... И вотъ эти—то тысячи народа, не знаемъ—по

намѣренному ли, но несомнѣнно по весьма удачному и знаменательному распоряженію Начальства, были свидѣтелями великаго народнаго дѣла — открытія Губернскаго Земскаго Собранія, которое у насъ состоялось 21-го же Мая. По окончаніи въ Успенскомъ Соборѣ литургіи гг. Губернскіе Гласные предъ св. крестомъ, евангеліемъ и чудотворною иконою Богоматери, въ кругу тысячъ народа, служить которому они призваны, изъ устъ Преосвященнѣйшаго приняли присягу на вѣрность исполненія долга выборныхъ людей Земства, и, эта великая минута закончила наше торжество 21-го Мая.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

Часть официальная: Письмо Его Преосвященства къ Г. Оберъ-Прокурору Св. Синода. Правительственныя распоряженія. Распоряженія Епархіальнаго Начальства. Извѣстія. Объявленіе.

Часть неофициальная: Отвѣты на вопросы Св. Анастасія Синаита. Высочайшій рескриптъ. Къ молодымъ людямъ Извѣстія.

Редакторы: Священникъ *А. Сервицкій*, *К. Надеждинъ*.

Дозволено цензурою, мая 29 дня 1866 года.

губ. г. владимиръ. въ типографіи Александровскаго.

